

1870—1970
ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

Ульяновск. 16 апреля здесь состоялось открытие Мемориального комплекса, возведенного в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. На торжественном собрании, посвященном этому событию, с речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Ленинский мемориал в Ульяновске.

Фото Дм. Бальтерманца.

Ленин! Это имя звучит на всех языках планеты. Советский народ, братские народы других социалистических стран, многомиллионная армия борцов рабочего и национально-освободительного движения с огромным воодушевлением празднуют столетие со дня рождения величайшего человека эпохи. Славный юбилей—это праздник всех коммунистов, всех людей труда на земле, всего прогрессивного человечества!

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, руководители местных партийных и советских организаций посетили Дом-музей В. И. Ленина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 17 (2234)

25 АПРЕЛЯ 1970

Москва. 21 апреля. Кремлевский Дворец съездов. Президиум совместного торжественного заседания ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

ДЕЛО ЛЕНИНА ЖИ

В зале заседаний.

ВЕТ И ПОБЕЖДАЕТ

21—22 апреля в Москве в Кремлевском Дворце съездов состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В нем принимали участие члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховного Совета СССР, депутаты Верховного Совета РСФСР. На заседании присутствовали ветераны партии, представители трудящихся Москвы и Московской области, воины Советской Армии и Флота, деятели науки, литературы и искусства, руководящие работники центральных государственных и общественных организаций.

На совместном торжественном заседании присутствовали партийно-правительственные делегации социалистических стран, делегации коммунистических и рабочих партий капиталистических и развивающихся государств, национально-демократических партий и организаций и левосоциалистических партий, профсоюзных и других прогрессивных международных организаций. Присутствовали также дипломатический корпус, представители советской и зарубежной прессы.

Бурными, долго не смолкающими аплодисментами, стоя, собравшиеся встретили появление в президиуме товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, Д. А. Кунаева, П. М. Машерова, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидова, Д. Ф. Устинова, В. В. Щербицкого, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Ф. Д. Кулакова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

Вступительным словом торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Н. В. Подгорный.

С докладом «Дело Ленина живет и побеждает» на торжественном заседании выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Доклад товарища Л. И. Брежнева неоднократно прерывался аплодисментами.

«...Каковы бы ни были высоты, на которые поднимется человечество, оно всегда будет помнить, что у истоков коммунистической цивилизации стоит исполинская фигура Ленина — мыслителя и революционера. Нет ничего более святого для коммуниста, для ленинца, чем отдать всю свою энергию, весь ум и волю для того, чтобы приблизить будущее, за которое боролся Ленин».

Из доклада товарища Л. И. Брежнева на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Фото Дм. Бальтерманца.

С докладом выступает товарищ Л. И. Брежнев.

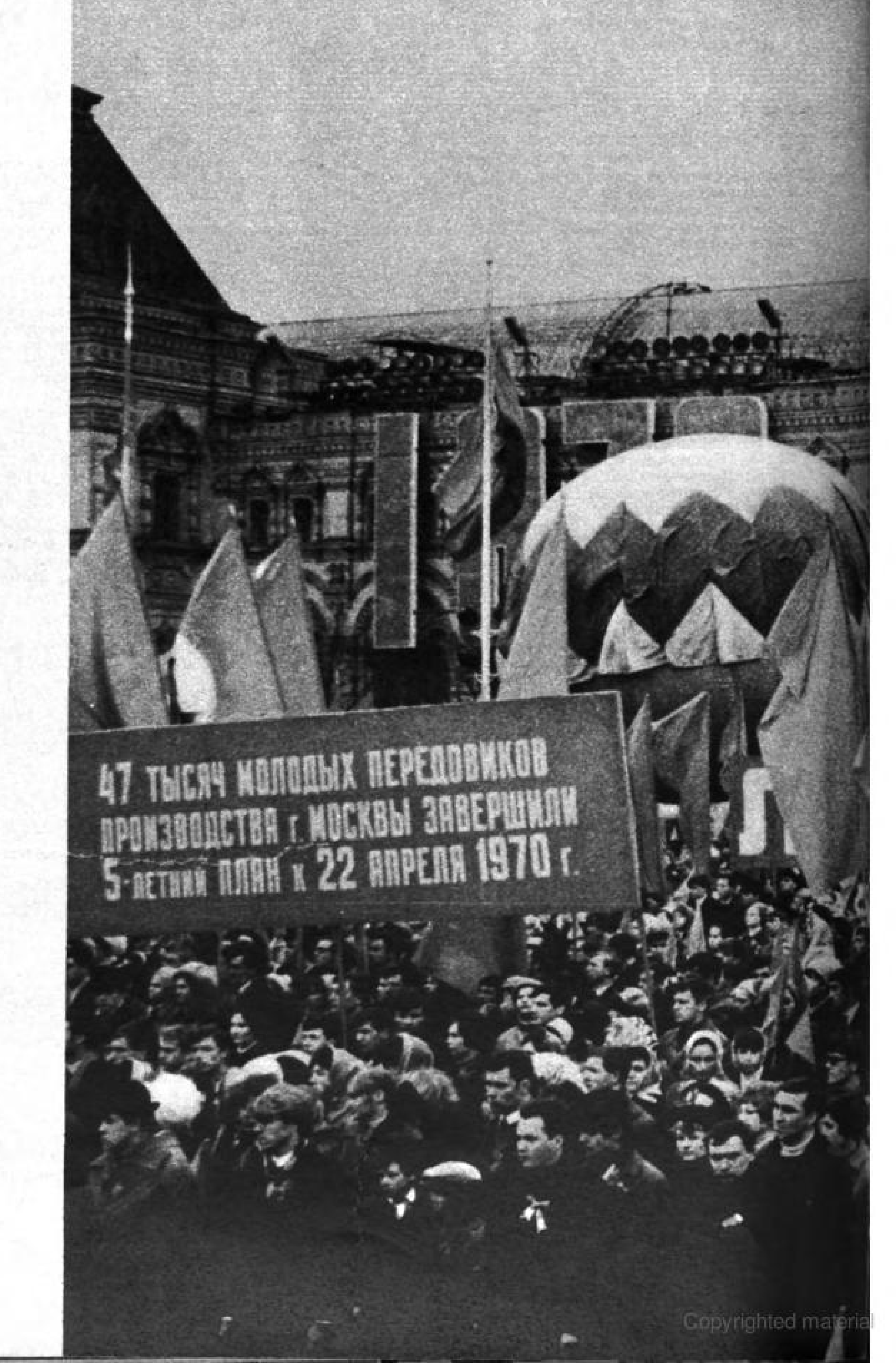

22 апреля — в день 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина — руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства посетили Мавзолей В. И. Ленина и возложили венок. На алой ленте венка написано: «Владимиру Ильичу Ленину от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР». На снимке: во время возложения венка.

Фото Дм. Бальтерманца.

22 апреля 1970 года. Москва. Красная площадь.

Манифестация московской молодежи, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Фото А. Гостева.

ВЕТАМ ЛЕНИНА, ДЕЛУ ПАРТИИ-ВЕРНЫ!

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев во время вручения награды коллективу Харьковского тракторного завода имени Серго Орджоникидзе.
Фото В. Кошевого и А. Татаренко (ТАСС).

НАГРАДЫ РОДИНЫ

В преддверии великого юбилея Харьковский тракторный завод, Харьковская, Курская и Оренбургская области, Армянская ССР награждены орденами Ленина.

13 апреля 1970 года на торжественном собрании во Дворце культуры ХТЗ третий орден Ленина прикрепил к знамени Харьковского тракторного завода имени Серго Орджоникидзе Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, выступивший на этом собрании с большой речью.

На другой день, 14 апреля, на многолюдном торжественном собрании Л. И. Брежнев прикрепил орден Ленина к знамени Харьковской области. И ратными и трудовыми подвигами прославили это знамя жители Харьковщины в годы войны и в годы мира. С большим вниманием собравшиеся выслушали речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

В тот же день в Оренбурге состоялось торжественное заседание Оренбургского обкома КПСС и областного Совета депутатов трудящихся. Член Политбюро ЦК

КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный прикрепил к знамени области орден Ленина, которого оренбургские хлеборобы удостоились за выдающуюся трудовую победу, одержанную в 1968 году: ими было засыпано в закрома государства 360 миллионов пудов хлеба — самый высокий урожай, который когда-либо знала оренбургская земля. На торжественном заседании выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Радостным днем стало 14 апреля и для трудящихся Армении. Торжественное заседание состоялось в Ереване. От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР член Политбюро ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко в своем выступлении горячо поздравил собравшихся и в их лице всех трудящихся Армении с заслуженной наградой и прикрепил к знамени республики орден с изображением самого близкого всем народам человека — Ленина.

...Курск. На торжественном заседании Курского обкома и горкома КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин прикрепляет к знамени области второй орден Ленина. В своем выступлении товарищ А. Н. Косыгин горячо и сердечно поздравил всех рабочих, колхозников, интеллигенцию, воинов Советской Армии с высокой наградой и пожелал трудящимся области новых замечательных успехов.

МОСКВА. Отмечая выдающиеся заслуги в развитии братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Польской Народной Республики в укреплении мира и социализма, многолетнее активное участие в мировом коммунистическом движении, в связи с шестидесятипятилетием со дня рождения указом Президиума Верховного Совета СССР Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка награжден орденом Ленина.

20 апреля Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил ему в Кремле высшую награду Советского Союза.

На снимке: Н. В. Подгорный вручает орден Ленина В. Гомулке.
Фото В. Савостьянова. (ТАСС.)

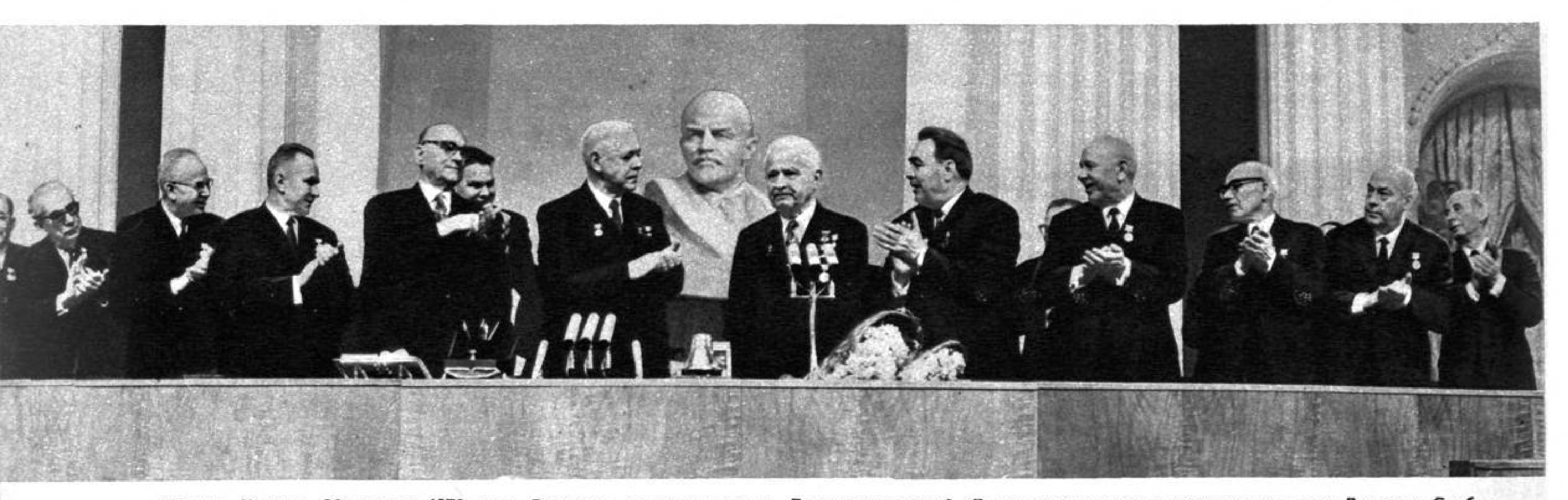

Ленинград, 18 апреля. На Московской площади состоялось торжественное открытие памятника В. И. Ленину.

Авторы нового монумента народный художник СССР, лауреат Ленинской премии М. К. Аникушин, архитектор В. А. Каменский. Изготовлен памятник рабочими завода «Монументскульптура».
Фото А. Гостева.

Саратов, 17 апреля. Памятник В. И. Ленину сооружен по проекту народного художника СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий, действительного члена АХ СССР А. П. Кибальникова при участии архитектора Ю. И. Минякина.
Фото Л. Шерстенникова.

Москва, Кремль. 20 апреля 1970 года. Вручение международных Ленинских премий «За укрепление мира между народами» Людвику Свободе — государственному и политическому деятелю (Чехословацкая Социалистическая Республика) и Ярославу Ивашкевичу — писателю, общественному деятелю (Польская Народная Республика).

Фото А. Устинова.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ» ЗА 1968—69 гг.

Людвик Свобода — государственный и политический деятель (Чехословацкая Социалистическая Республика).

Лайнус Полинг — ученый, общественный деятель (Соединенные Штаты Америки).

Шафи Ахмед эль-Шейх — общественный деятель (Судан).

Ярослав Ивашкевич — писатель, общественный деятель (Польская Народная Республика).

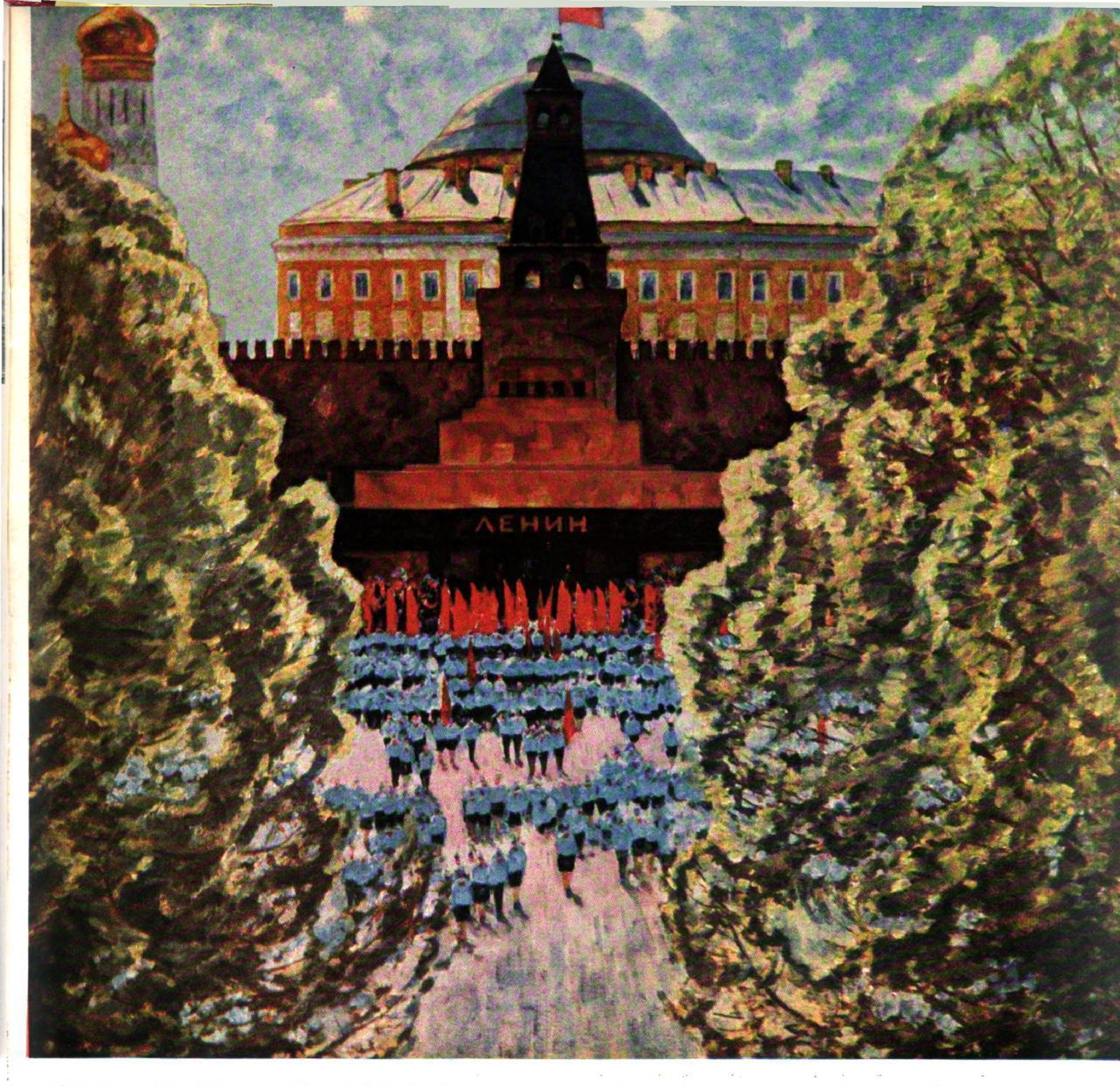
Акира Иваи — общественный деятель (Япония).

Бертиль Сванстрем — журналист, общественный деятель (Швеция).

Халед Мохи эд-Дин — общественный деятель Объединенная Арабская Республика).

Ю. Дудов (Москва). КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. ВЕСНА. ГОД 1970-й.

Выставка произведений московских художников, посвященная В. И. Ленину.

А. Лутфуллин (Уфа). В АУЛЕ.

IV республиканская художественная выставка «Советская Россия».

ТОВАРИЩИ В БОРЬБЕ

А. СТАРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Антуан Лежандр принимает гостей.

Фото Г. Зельмы.

I

...Мы ехали бульварами и авеню Парижа в его дальний левобережный 14-й аррондисман (округ), на rue Marie Rose, 4, к Ленину, на квартиру, в которой он прожил с Надеждой Константиновной и ее матерью Елизаветой Васильевной без месяца три года. А по пути мы должны были проехать улицей Бонье, где в доме 24 «Ильичам», как их называли друзья, ужасно не повезло с консьержкой, сразу не взлюбившей и всячески третировавшей их, но они вскоре подыскали себе другое жилье — на близлежащей «глухой уличке Мари-Роз».

На рю Бонье нас поджидало маленькое приключение. Дорогу нашему автобусу преградила небольшая легковая машина, оставленная хозяином посередине мостовой. А по обеим сторонам тоже стояли автомобили почти впритык друг к другу, и проехать было невозможно. Шофер гуделгудел — безответно, как в пустыне, и мы уже решили выходить, чтобы проделать оставшийся путь пешком. Но, оказывается, нас услышали и увидели. За забором строился дом. И из глубины этой стройки вышло пятеро каменщиков в одинаковых синих комбинезонах и разноцветных жокейских шапочках. Точнее сказать, они не вышли, а скатились откуда-то сверху, с лесов, и мигом, в два-три движения, подхватили мешавшую нам машину, не столкнули ее, а именно подхватили, подняли на руки и переставили, как стул, как стол, на другое место, в сторону, к тротуару, чтобы мы могли все-таки проехать. Они сделали это так быстро, исчезнув тут же в темных проемах строящегося дома, что мы даже не сразу как-то отреагировали на их поступок и начали благодарственно махать руками, уже отъехав метров на пятьдесят. И вряд ли они видели наши машущие руки сквозь запотевшие стекла автобуса. Я не знаю, догадывались ли эти парижские парни, открывая нам путь, что мы русские и едем к Ленину. Хочу думать, что догадывались...

От Бонье до Мари-Роз две минуты езды. Мелькает табличка: «Мари...». Нет, это другая Мари, это «Мари-Дави». А вот и наша. Совсем крошечная, даже не «уличка», как определила ее Крупская, а переулочек: дом № 4 второй от угла, а через номер уже другой угол, другая улица. Сам же дом довольно высокий, в семь этажей, да еще классическая для Парижа мансарда. И такие же традиционные балконы у каждого окна... Но у нас нет пока времени в подробностях оглядеть с улицы жилище «Ильичей». Мы предупреждены: регламент посещения жесткий. Как и весь статус музея-квартиры Ленина на улице Мари-Роз. Вот я уже и нарушил этот статус, написав «музея-квартиры». Здесь официально не музей, только квартира. По французским законам, в жилых домах не может быть музеев, дабы их посетители не нарушали покоя жильцов. До 1955 года квартира № 2 в этом доме принадлежала частному лицу. Да и теперь частному. А фактически — Французской компартии, откупившей ее у прежнего владельца. Но так как это не музей, а квартира, она по тем же законам не должна пустовать, и тут постоянно живет кто-нибудь из коммунистов. И мы не на экскурсию идем, а в гости. Мы знаем, что обязаны вести себя претихонечко. Не всем населяющим этот дом нравятся гости квартиры № 2. Так было, между прочим, и при Ленине... Вот и сейчас приоткрылась одна из дверей на первом этаже, показалось недоброе женское лицо, и дверь захлопнулась громче, чем ей полагалось бы захлопываться. Мы старались ступать как можно тише, мягче, но нас было все-таки двадцать, и не дышать-то уж мы не могли. А старенькая, деревянная круто витая лестница раскачивалась и скрипела, казалось, от одного только нашего дыхания. Вера Николаевна, переводчица, из эмигрантов, прожившая в Париже полвека и утратившая в своем русском языке точные значения многих слов, сказала нам: «Очень прошу вас, не скребитесь, пожалуйста...» Мы «не скреблись», мы даже перил не касались руками, но перила все равно поскрипывали вместе со ступеньками, предательски выдавая наше продвижение вверх. Мы поднимались гуськом. И вдруг наверху что-то застопорилось, и оттуда передали шепотом по цепочке:

— Товарищ Лежандр просит извинения. Он уже принимает гостей из Москвы. И ждет нашу группу через полчаса.

Вот так неожиданно у нас образовалось время для более короткого знакомства с рю Мари-Роз, которую мы стали называть между собой улицей Ленина. И не были в том особенно оригинальны, поскольку кто-то еще до нас совершил это переименование, зачеркнув на указательной зеленосиней табличке слова «Marie Rose» и вписав поверх «Lenine». Наискось, толстым, жирным фламастером, надолго, хотя при желании можно и стереть, но не стирают, так и значится «Rue Lenine». (В Париже, вернее, в предместье его Иври, есть и узаконенное авеню Ленина; мы еще там побываем...) Всю левую, четную сторону улицы занимает какое-то странное, неопределенной архитектуры здание, выложенное из красного кирпича. Похоже скорее на фабричное, а оказалось собором, входящим в монастырский комплекс францисканцев. Постройка двадцатых годов. «Ильичи» видели из окна склад строительных материалов. И вот обосновались монахи. Говорят, что первый настоятель этого монастыря отец Корентин был расстрелян фашистами как боец Сопротивления. Имя его носит соседняя улица, на которую глядит фасадом другое угловое здание. Оно легких корабельных обводов, контур его выведен циркулем, изящное, все в стекле. Это центр для обучения строителей. А через дорогу родильный дом. Вот какая нынче многообразная жизнь у когда-то «глухой улички»! Рожают, взывают к богу, учатся строить дома... У нас еще оставалось с четверть часа, и мы забежали на рю Бонье. Напротив дома 24 — стройка, та самая, с нашими каменщиками. Но их не видно, да и постукивания киянок не слыхать: час обеда, сидят, наверно, вон в том бистро на углу и винцо потягивают... На фасаде две мемориальные доски. Слева — ленинская, установленная еще в 1945 году, сразу после войны, барельеф на ней то ли вырван кем-то, то ли ветром сорван, зияет гнездо. Вторая доска говорит нам об академике Шарле ле Готье, президенте литературного общества, поселившемся здесь в июле 1909 года. То есть как раз в те дни, когда «Ильичи» покидали это жилье, где злобная консьержка беспрерывно жаловалась на них хозяину, полиции. И, может быть, съезжая с квартиры, они повстречались с въезжавшим сюда академиком. Он-то пришелся консьержке по сердцу, судя по тому, что прожил в этом доме безвыездно почти 30 лет.

Но товарищ Лежандр, должно быть, освободился...

В подъезде сталкиваемся с гостями из Москвы. Это зиловцы, завершающие туристскую поездку по Франции. Пока они выходят, а мы входим, успеваем обменяться информацией. Советуют: «Вы там потише на лестнице. Соседи...» Не знают, что мы уже с опытом. Поднимаемся абсолютно бесшумно. Не скрипит лестничка, не выдает нас.

На пороге квартиры — Антуан Лежандр... Бывает, знаешь человека заочно, хорошо знаешь по каким-то свидетельствам, по книгам, по фотографиям и вот уже представляешь его себе, будто видел. А встретишься — не такой, совсем не такой. Между обликом умозрительным и обликом сущим — разночтение. В данном случае этого не произошло. Контуры совпали, живой Лежандр слился с воображаемым. И ощущение такое, что мы просто не виделись некоторое время с этим давно знакомым мне человеком в сером костюме в мелкую-мелкую клеточку, в голубой рубашке, отлично корреспондирующей (можно так сказать?) с его голубыми глазами, с его сединой, которая чуть тронута голубинкой, как только что выпавший снежок в ясную погоду. Да простится мне это голубое описание товарища Лежандра. Но нет ведь ничего труднее словесного изображения человеческого лица, внешности. Не каждому перу дано это. Пасую. И продолжу просто, как начал: на пороге квартиры нас приветствовал Антуан Лежандр, хранитель музея. Музея. Он не живет здесь, квартира не на его имя. Он хранитель экспозиции, фонда. Собиратель.

О неистовое племя собирателей! Среди моих друзей в Москве несколько таких одержимых. Теперь будет еще один — в Париже... Мне рассказывали, как Ле-

жандр искал кафе «О пюи руж», в котором бывал Ленин. Полгорода обегал, а Париж он знает, в годы оккупации отвечал в партии за распространение антифашистских листовок в Париже, всю сеть улиц держал в голове. Так вот, обошел и объехал полгорода, по местам, где предполагал обнаружить «О пюи руж». Не нашел. Засел за хранящиеся в мэрии старые списки кафе и среди тысяч названий выловил все-таки нужное: «О пюи руж» на площади Виктора Баха. Но нет там сейчас такого кафе, и никто о нем не помнит. Перебрал множество почтовых открыток начала века. С видами Парижа. На какой-то замызганной, с оторванным краешком — площадь. А название-то и оборвано. Но старики опознали: кажется, это площадь Баха. Кажется. Совершенно не похожа на нынешнюю, все снесено, перестроено, единственный домишко сохранился из старых. Вот он и на открытке! Значит, площадь та. Стал разглядывать в лупу и где-то в уголке на заднем плане выискал кусочек вывески: «...Rouge». «О пюи руж». Кафе, в котором бывал Ленин! И старенькая, валявшаяся у у кого-то открытка — уже бесценный музейный экспонат.

Ну, конечно, это музей. С экспозицией, разработанной, как это принято говорить, на строго научной основе. При участии, при содействии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но тесно, ужасно тесно. Музею принадлежат, собственно, две небольшие комнаты и кухонька. Третья комнатушка жилая, она-то и есть «квартира», официально зарегистрированная в муниципалитете. В музее, как полагается, книги, документы, фотографии, репродукции. Нет вещей, которыми пользовались «Ильичи». Нет мебели, которая стояла тут при них. Сохранились камины. И газовый счетчик с того времени. А можно ведь восстановить, воссоздать все, как было. Лежандр уже приглядел, уже подобрал в комиссионных магазинах, в лавках старьевщиков, на квартирах у знакомых мебель, утварь, предметы домашнего обихода, похожие на те, что были у Ульяновых. Как подбирал? Ну, это особый и долгий рассказ о том, как он допрашивал мебельщиков, мануфактурщиков (из каких материалов шились шторы в 10-х годах века?), реставраторов, как разыскал дряхлую консьержку из этого дома с уникальной памятью на предметы — она помнила, что и где стояло в любой квартире за долгие годы,— копался в письмах, в альбомах, в прейскурантах, в рекламных буклетах. Словом, подобрал все — до занавесок. Но некуда ставить, негде располагать, не вытесняя нынешнюю экспозицию — стенды, витрины. Вот бы расшириться, распространиться, прихватив площади по соседству. Трепетная мечта Лежандра! Но сегодня уже не мечта. На этих днях удалось наконец купить после длинных торгов квартиру на первом этаже. Лучше бы, удобней рядышком, на третьем. Здесь еще две квартиры. Владелец одной наотрез отказался сменить ее на нижнюю. Другой квартирохозяин мнется, финтит, набивает цену за обмен... Рассказывая об этом, Лежандр шутит: «Это вам не в Москве, это в буржуйском Париже...»

Странное, сложное у нас чувство! Да, мы в Париже. Коммунисты из Москвы. Слушаем французского коммуниста. О Ленине, о революции. А переводит бывшая русская, не ставшая француженкой, из семьи, которая бежала от революции. Старательно переводит, порой мучительно подбирая слова. И, наверно, у нее тоже странное, сложное чувство при этом...

— Комната, в которой мы находимся, принадлежала супруге товарища Ленина Надежде Константиновне и ее матери Елизавете Васильевне (мы слышим, как Лежандр четко, совсем по-нашему произносит русские имена и отчества). Товарищ Крупская работала в этой комнате. Вот тут стоял стол, за которым она разбирала текущую почту из России, расшифровывала поступающие письма и зашифровывала ответные письма своего мужа. Ей помогала в этом мать Елизавета Васильевна. Она очень уважала своего зятя, и он был чрезвычайно внимателен к ней. Возвращаясь из города, куда он часто ездил на велосипеде для занятий в библиотеке, он всякий раз привозил старушке свежий букетик цветов. По вечерам он иногда занимал ее, играя с нею в карты. Однажды, увлекшись, он выиграл несколько раз подряд, и Елизавета Васильевна была огорчена. И тогда товарищ Ленин снова сел с ней за стол и, конечно, проиграл, и она сказала, что на этот раз игра была прекрасной... Елизавета Васильевна помогала дочери не только с почтой, они вместе снаряжали в дорогу уезжавших в Россию подпольщиков, зашивали им в одежду листовки, нелегальную литературу. Это было... это было (Вера Николаевна подыскивает слово, перебирая в воздухе пальцами)... взносом... вкладом старой женщины в дело революции, до которой она немного не дожила...

(У Крупской в «Воспоминаниях» об этом так: «В марте у меня умерла мать... Не раз заказывала она, чтобы, когда она умрет, ее сожгли. Домишко, где мы жили, был около самого бернского леса. И когда стало греть весеннее солнце, потянуло мать в лес. Пошли мы с ней, посидели на лавочке с полчаса, а потом еле дошла она домой, и на другой день началась у нее уже агония. Мы так и сделали, как она хотела, сожгли ее в бернском крематории. Сидели с Владимиром Ильичем на кладбище, часа через два принес нам сторож жестяную кружку с теплым еще пеплом и указал, где зарыть пепел в землю».

Продолжая в Швейцарии начатую в Париже поездку по ленинским местам, мы подъезжали к Берну. За окном автобуса — заснеженный лес, кладбище. «Бремгартенское кладбище,— сообщает гид.— Здесь была похоронена мать Крупской. На могильной плите всегда живые цветы, хотя сама урна с прахом перевезена недавно в Москву...»)

Но я перебил рассказ Лежандра.

— Эта маленькая квартирка была транзитным пунктом русской революции. Здесь перекрещивались пути из России и пути в Россию. Среди тех, кто отправлялся отсюда в опасное путешествие с секретными пакетами, был и француз, звали его Жан Нувель. Член социалистической партии, секретарь ее организации в Ницце, он познакомился с приехавшим в этот город товарищем Лениным и предложил свои услуги большевикам. Вскоре для этого представился преудобнейший случай. Лесопромышленное акционерное общество намеревалось послать Жана Нувеля в Россию для подыскания лесных участков. Перед отъездом он пришел на квартиру к товарищу Ленину за инструкциями, и Елизавета Васильевна зашила ему бумаги вот так, вот сюда.— Лежандр нагибается и показывает отвороты брюк.— Он провел в России полгода, установил связи с закавказскими большевиками и, вернувшись в Париж, хотел отчитаться перед товарищем Лениным, но его уже не было в Париже, он уехал в Краков... Жан Нувель стал коммунистом, он активно работал в нашей партии со дня ее зарождения, а ей в этом году исполняется 50 лет. Жан никогда не кичился своим знакомством с товарищем Лениным. Эпизод, о котором я вам рассказал и которым мы гордимся, стал нам известен лишь после смерти Жана от его вдовы... Да, много хороших людей побывало в этой квартире! Она была первым приютом в чужом городе для бежавших с царской каторги, преследуемых жандармами русских подпольщиков. Приезжали больные, голодные, полураздетые. Вот тут, в коридоре, в стенном шкафу, Надежда Константиновна хранила для них одежду. Явился товарищ Иннокентий, известный большевик по фамилии Дубровенский. Он еле передвигался по комнате, у него на ногах оказались страшные, незаживающие раны — натерло кандалами еще по пути в ссылку. Товарищ Ленин повез его, наняв извозчика, на другой конец города к знакомому хирургу-французу... Приехал человек, у которого была подпольная кличка Камо, кавказец, храбрец. Он был арестован с динамитом в чемодане, почти три года симулировал в тюрьмах безумие, его признали безнадежно больным, перевели в психиатрическую больницу, он оттуда бежал и в трюме грузового судна пробрался во Францию. Он находился в растерянности, не знал, что делать, как жить дальше, строил фантастические планы, хотел подвергнуться пластической операции, чтобы шпики не узнавали его в лицо, и снова пробираться морем обратно, домой. А товарищ Ленин спросил: «У вас есть, товарищ Камо, теплое пальто?» И когда выяснилось, что вообще нет никакого пальто, товарищ Ленин протянул кавказцу свой мягкий плащ на подкладке и, чтобы кавказец не отказывался, сказал, что у него еще два таких плаща, а это был единственный, подаренный матерью...

Я слушаю Лежандра, и хотя то, о чем он говорит, мне известно — и факты и имена,— я слышу это как бы впервые, как бы в изначальном качестве, еще не тронутым ничьим пером, еще никем не пересказанным. Наверно, это потому, что я в Париже, на улице Мари-Роз, у источника.

— ...Пришел как-то сюда на квартиру русский Пригара́. Не надо ударения на конце? Да-да, При-га́-ра. Он был рабочий из Москвы, его там искала полиция как участника восстания на Пресне, и он бежал во Францию. Он пришел сюда и начал как-то странно говорить, за-го-вариваться. О каких-то девушках со снопами на золотых колесницах. Товарищ Ленин старался его понять, потом незаметно подал знак Надежде Константиновне, и она, пока Пригара ел, побежала за врачом. Доктор сказал, что у господина психический сдвиг на почве голодания, который может перейти в тяжелую форму помешательства, в манию преследования. Товарищ Ленин попросил друзей проводить Пригару до дома. Но он по дороге сбежал и исчез, а через неделю в Сене нашли его труп — он утопился, привязав к ногам и шее камни. Товарищ Ленин очень переживал этот трагический случай, даже упрекал... корил себя за то, что сам не проводил Пригару, говорил: «Мы должны беречь людей...»

Дома, в Москве, проглядывая свой путевой дневничок и найдя в нем эти слова Ленина, я подумал, что когда-то уже их записывал, только не помню, от кого, полез в старые блокноты и нашел эту запись.

«...И вот я в Париже. Знаю, что здесь Ленин, знаю, что вот-вот увижусь с ним, и волнуюсь ужасно. Но все произошло очень просто. В зале Тургеневской библиотеки, находившейся в Латинском квартале, вблизи Люксембургского сада, должно было состояться собрание русских социал-демократов, посвященное 70-летию Августа Бебеля. Ожидались выступления Ленина и Мартова. Я спешил к началу, но что-то меня задержало. Вхожу в фойе, а там полно народу. Ну слава богу. Значит, не опоздал. Нет, оказывается, все-таки опоздал, собрание уже идет. Говорит Мартов, но охотников слушать его что-то немного... В перерыве, после которого должен выступить Ленин, спрашиваю Мануильского:

— Где же он?

Спрашиваю тихо, но сидящий неподалеку плотный, с большой лысиной человек вдруг быстро оборачивается на эти мои слова. И Мануильский, обращаясь к нему, говорит:

— Познакомьтесь, Владимир Ильич, товарищ только что из России.

И у меня уже и секундочки не остается, чтобы успеть растеряться или смутиться. Ильич обрушивает на меня поток вопросов, а затем замолкает и, чуть склонив в мою сторону голову, приготовляется слушать... Узнав, что я работал слесарем в Уфимских железнодорожных мастерских, Ленин говорит:

— Я бывал в этом городе. И знал там одного рабочего из ваших мастерских, по-моему, тоже слесаря. Меня познакомила с ним Надежда Константиновна, у которой он занимался в кружке...

— Якутов? — спрашиваю я.

— Да-да! Что с ним? Где он?

Я говорю, что Иван Якутов погиб. Он руководил у нас стачкой, которая перешла в восстание. Мы были вооружены, две бомбы бросили в казаков... Якутов долго скрывался от жандармов, переезжая из города в город, но был схвачен в Харькове и привезен в Уфу. На допросах требовали, чтобы он сказал, кто приготовил и бросил бомбы. Он знал, кто это сделал, но товарищей не выдал, принял всю вину на себя. Был приговорен к смертной казни и повешен во дворе тюрьмы. Когда свершалось ночью это черное дело, никто из политических заключенных не спал. Изо всех камер слышались крики протеста, а затем сотни людей, как сговорившись, запели: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» И надзиратели, метавшиеся по коридорам, не в силах были прекратить это пение. Затихая в одном месте, оно усиливалось в другом. Вся тюрьма прощалась с Якутовым...

Слушает Ильич, и лицо его опечалено.

— Да-а...— произносит он задумчиво.— Мы вступили в страшную схватку с царизмом, и он будет вырывать у нас лучших из лучших. Жертвы с нашей стороны неизбежны. Но нужно, чтобы они были сведены к минимуму. Конспирация, конспирация и еще раз конспирация. Мы должны беречь людей! Мы должны сохранять их для предстоящих сражений, которые уже близки...»

Так записано мною лет пятнадцать назад, со слов покойного Тимофея Степановича Кривова, члена партии с 1905 года, Героя Социалистического Труда.

И теперь свидетельство старого русского коммуниста и рассказ старого французского коммуниста переплелись для меня в этом ленинском: «Мы должны беречь людей!»

...Мы уже около часа гостим у «Ильичей». Уходить не хочется. Но мы знаем, что на очереди еще гости, сотрудники советского по-

сольства. Вот уже и звонок в дверь... Маленькая церемония прощания. Мои товарищи по поездке, работники московских редакций, вручают Лежандру для музея два политиздатовских альбома, два уникальных факсимильных издания — газеты, основанные Лениным, и документы Октябрьской революции. Я смотрю на руки хранителя музея, руки собирателя, они чуть подрагивают, принимая альбомы, пальцы шевелятся, им уже не терпится начать листать. И еще подарок — самому Лежандру: часы. Кто-то из нас говорит, что у Москвы с Парижем разница в два часа, но мы, коммунисты, живем по единому времяисчислению. Хорошие, умные слова. Лежандр, слушая их, кивает головой, а дослушав до конца, говорит, что он безмерно благодарен, что это так ко времени, лишь сегодня утром он разбил свои старенькие часики, которые носил много лет, и вот такая неожиданная, превосходная замена. И слова Лежандра никак не снижают пафоса слов предыдущих, пафоса всей этой сцены вручения подарка, только придают им еще больше человечности.

Хранитель музея просит нас расписаться в книге посетителей. Всех. Нагибаясь к столу, я вижу под стеклом треугольный кумачовый вымпел с надписью «Красная Пресня». Догадываюсь, как он сюда попал. Но Лежандр, заметив, что я заинтересовался вымпелом, объясняет мне, что он оставлен здесь делегацией московского арондисмана Красная Пресня, который породнился с городом Иври-на-Сене, входящим в «красный пояс» Парижа, в этот плотно сомкнувшийся круг городов с коммунистическими муниципалитетами. В Иври гордятся, что с ними по-бра-талась именно Красная Пресня, революционный округ, где рабочие дрались с царизмом на баррикадах в первую русскую революцию. О Пресне, как и о Парижской коммуне, часто говорил товарищ Ленин, напоминая об их опыте борьбы и уроках поражения. А после Октября он любил бывать на Красной Пресне, любил выступать там с речами. В Иври всегда рады посланцам из породнившегося с ними района Москвы... Но нам уже действительно пора уходить, меня торопят, и я не успеваю сказать Лежандру, что имею поручение от краснопресненцев, что я должен передать привет мэра Пресни Эдуарда Саркисова мэру Иври Жаку Лалоэ и его заместителю Мариусу Прюньеру — они приезжали в Москву,— передать сувениры. Что я завтра буду в Иври. И как это здорово, что перед поездкой туда я увидел в музее вымпел Красной Пресни!

* * *

Когда этот очерк был уже набран, из Парижа пришло сообщение: группа фашиствующих молодчиков совершила налет на музей-квартиру В. И. Ленина.

Жалкие потуги пигмеев! Можно сбросить на пол статую, можно разбить стенды с фотографиями. Но нельзя сбросить со счета силу рабочего класса, нельзя разбить его единство, нельзя погасить огонь великих ленинских идей!

ПОЭТЫ МИРА О ЛЕНИНЕ

ЖАЛЕ

МОЙ ВЕНОК ЛЕНИНУ

Поколенья людей погружали свой взор
в материнский, земной, необъятный простор.
Небосводу и звездам полночным дивились,
жили радостью творчества, светом любви,
то в душе друг за друга молились,
то друг друга топили в крови...

Если суть человеческих судеб лишь в том,
чтобы, вспыхнув, погаснуть во мраке ночном,
страшен жребий того, кто возжаждал
жить вечно:
он в тоске наблюдает, как жизнь быстротечна.
Если б время от времени новый мыслитель,
остающийся жить в этом мире навек,
не вносил яркий факел в земную обитель,
так и жил бы во мраке веков человек...

Появления Ленина ждали века и народы.
И великому Ленину нынче хвалу я пою:
он зажег в ранней юности душу свою,
от нее жарко вспыхнул светильник свободы;
с простотой гениальность в нем сплавлена
зримо;
он, в России родившись, стал сыном всех
стран,
и любовь его к миру неизмерима,
и вовек не забудет его мой Иран —
и с любовью в дар Ленину этот венок
я сплетаю
из иранских алеющих роз,
из листвы ароматной иранских стихов,
из сияющих звезд, звезд иранского небосвода,
из борьбы, и мечты, и надежды народа...

Я, склонясь, положу мой венок средь венков —
их несут и несут поколенья грядущих веков.

Перевел с персидского
Анатолий Найман.

Вальтер ШТРАНКА (ГДР)

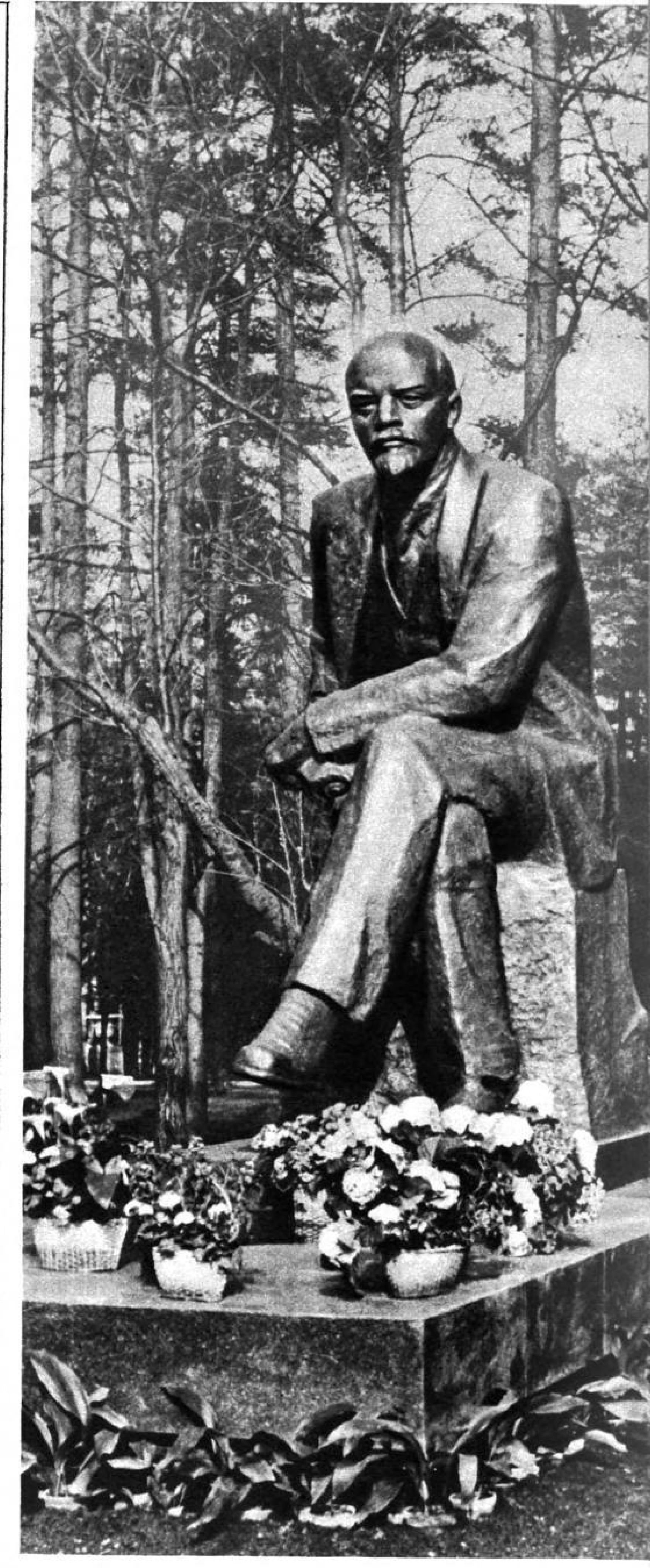
И БУДЕТ ЖИВ В ВЕКАХ!

Тебе о нем подумалось когда-то,
когда трубили: «Дойчланд юбер аллес!»,—
или когда в руинах Сталинграда
услышал ты раскаты громовые,
или когда дивизии сдавались,
или когда пришел возмездья час,—
тебе о нем подумалось впервые,
с тобой случилось это в первый раз.

Не божеством, не сфинксом, не мессией,
не чудотворцем — нет! — и не пророком —
явился он в обличье всей России
и пригласил тебя для откровений.
И ты прозрел! И, просветлен уроком,
пред истиной ничем не погрешив,
сказал себе: «Да, его гений
жив!»

Да, Ленин был поводырем Планеты!
Он был глашатай, провозвестник мира
и, уходя, оставил нам заветы,
звучат они — далеко ль ты иль близко —
призывом громким жить для блага мира,
во имя незабудок в тех венках,
которые в ногах у обелисков...
Да, Ленин жив и будет жить в веках!

Перевел с немецкого
Борис Пчелинцев.

Памятник В. И. Ленину в Одинцовском районе Московской области.

Алексей ПАНТИЕЛЕВ

Рассказ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

ДВАЖДЫ ДВА

Слушай, Куприян. Раз уж ты так терпелив... Расскажу тебе об одном человеке. Надо тебе о нем знать. А мне путем поразмыслить.

Он считает себя неудачником. Не удалась жизнь. И вот горюет человек. Скорбит душа...

Он тоже с нашего завода, из моего цеха, рабочий... а наш завод — теперь уж не секрет — отец заводов, родитель всей нашей авиации.

Ну, рабочий рабочему рознь, по себе знаешь. Как и профессор профессору. Этот человек — рабочий по призванию, по самой натуре своей, хотя родом он с Брянщины, из крестьянского гнезда. Рабочая техника у него в крови; это у него от бога, как у иных, скажем, дар рисовать или петь песни.

Но так вышло, такая у него судьба, что к своему делу, на наш завод шел человек целую жизнь, кряду лет тридцать.

И целую жизнь по этому случаю над ним смеялись:

— Миколка без царя в голове. Чудно у Миколки в башке, чудно.

Так судили все и первым долгом — самые близкие: жена, отец, братья старшие, коренные лесовики, люди, любившие его. Все, кроме матери... О ней еще услышишь.

А он отвечал:

— На детях сквитаемся! Это как дважды два.

— Вдуматься, и впрямь чудно.

Было у него годам к тридцати шестеро детей, как у нормального брянского мужика. Выжило двое, сын и дочка. И это еще много — по тем местам да по тем временам, когда Деникин стоял в соседнем селе, кругом банды зеленых, власть менялась раз в неделю. Жил он в лесной деревеньке Алтухово — станция глухая, пассажирские поезда не останавливаются. Леса там были великого князя Михаила, графа Шереметева и фон Мекк... Мерли дети в младенчестве.

Одна девочка схватила дифтерит. Вот как он ее спасал. Запряг лошадь и ночью, в метель, погнал в Брянск. Живо обернулся, за сутки. Ни волки, ни люди не остановили. Достал в городе сыворотку, привез. А девочка уже задохлась. Пала и лошадь единственная: тоже задохлась. Пошел он и отдал сыворотку фельдшеру — для тех, кто чередом заболеет. Иными словами, все на ветер! Целое состояние.

Как видишь, мужик не совсем нормальный... Сосватали ему жену, городскую, орловскую, с приданым. Привалило счастье, пришли в молодые годы деньги, сто рублей. С таких денег, Куприян, при голове на плечах, начиналось невесть что: дело Артамоновых, приваловские миллионы... на худой конец лавчонка в Алтухове. А он их все до копейки отдал младшей сестре Марии, чтобы она вышла замуж, потому что жених ее так-то не брал. Словом, опять на ветер! Псу под хвост.

Жена не забыла ему кровную обиду по сей день, хотя родила еще двоих — сына и дочку, уже в Москве. Она судит просто: не любит человек родных детей. Я прошу, запомни этот приговор.

И еще послушай басенку о том, каков есть брянский мужик, вернее, был. Басенка лесника графа Шереметева.

Два графских сына пошли будто бы охотиться и заблудились. Тем временем из деревни Погорщ везет один бородач в Трубчевск воз леса на продажу. Ночь. Пропотел мужик до костей, лошадь дымится. К свету выбрался он на большую дорогу, и тут остановили его Шереметевы.

— Ты знаешь, кто мы?

— Как не знать! — И шапку долой.

— Где наша усадьба?

Мужик показывает в обратную сторону.

— Далеко до нее?

— Верст шесть будет.

— А тебе до города?

— Все двенадцать.

— Сколько хочешь за свой воз?

— Сколько бог даст. Копеечек, может, восемьдесят... а то и целковый!

— Так вот тебе целковый, вези нас домой.

— А как же... груз?

— Шут с ним, сваливай живей.

Мужик голову повесил, молчит...

Шереметевы недоумевают, бранятся: тупая башка, стяжаешь рубль! А в городе еще продашь ли? Зря проездишь. Коня уморишь.

Мужик и говорит:

— Так-то оно так, паночки... да трудов жалко!

Вот ты улыбаешься... А мой брянец рассказывал темней тучи. Думаю: не про себя ли?

В своем Алтухове числился он грамотеем. Читал книжки — сочинения графа Толстого, который убег из дома и заслужил анафему, как Стенька Разин; почитывал и газетки в конторе местного лесозаводчика Федорцева. Вел с сельским попом дискуссии на темы мирские и потусторонние и при том за словом в карман не лазил. А в год, когда стала Брянщина фронтом, имел от Советской власти мандат Железкома, под носом у деникинцев и зеленых добывал для Красной Армии золото — дрова.

Любопытно он действовал, отчаянно храбро, если не сказать, безумно. На свой страх и риск, по своему мужицкому усмотрению и разумению.

Лес возить по песчаной дороге, увязая по ступицу, за десяток верст — каторга. Возили в час по чайной ложке, по одной ездке в день. Никакой мобилизацией больше не выжмешь. И вот придумал он проще простого — скатывать лес к железнодорожному полотну с обрыва, как к реке на сплав. Нашел место, правда, незащищенное, далеко от станции. Строго говоря, опасное место. Но лес брать удобно. Крестьяне, мобилизованные с тяглом, при своем фураже, на радостях в считанные дни заготовили леса гору! Только поспевай подавать платформы. Ну и держи крепко-накрепко фронт...

Прикатило на бронепаровозе начальство, может, армейское, а может, и фронтовое.

— Кто это сделал?

— Я, такой-то...

— Кто разрешил? Кто приказал?

— Стало быть, я, такой-то!

— Для кого же ты, такой-то растакой-то, навалил эту гору, коей сейчас цены нет? Для Деникина? Ты знаешь, где он? Рукой подать... Голотяп ты или предатель? Расстреляем на месте!

И не долго думая:

— Арестовать. А лес заготовленный подпалить незамедлительно.

Что ж, ты думаешь, он? Посмеивается. Чешет смоляную бороду.

— В таком,— говорит,— разе... это как дважды два... есть расчет немедля подпалить город Брянск. Он не дешевле моей горы... Город,— говорит,— Брянск!

Заметь себе, что всю свою жизнь этот мужик, деревенщина, говорил с начальством вот так. Как с ровней. С полной верой, что, ежели ты поставлен командовать, должны быть у тебя наличные мозги, а не только луженая глотка.

Кончилось тем, что стали гнать платформы, куда он укажет... Наградили. Выдали шинель кавалерийскую, долгополую, как ряса, с синими обшлагами и воротником.

Они во всем и повинны — красные... Кабы не они, быть бы брянскому мужику по причине грамотности в услужении, на побегушках, самое большое — приказчиком у тамошнего лесозаводчика, между прочим, знаменитого... Тем знаменитого, что его отец Афоня-клепщин отдал известному охальнику купцу Крашенинникову красавицу дочь в полюбовницы за капитал, скупил на него лес, строевой и поделочный, перво-наперво срубы оптом, за полцены, а затем в неурожайный год, когда мало делились и мало строились, выбрал сухую знойную ночь и вместе с пятью сыновьями, сев на добрых коней, пустил красного петуха по всей округе. Сжег дотла полтора десятка окрестных деревень — так, что пеплом-золой покрылись поля, луга... И в одно лето разбогател и стал господином Федорцовым! Одним старшим сыном откупился (пятнадцать лет каторги). Вот как надо жить, имеючи сто рублей.

Все это мы узнали на партсобрании, когда принимали нашего Лазарича (мы его зовем Лазаричем) в партию. И еще с моралью:

— Федорцов,— говорит,— ежели копнуть, есть в каждом из нас.

— И в тебе?

— И во мне, врать не хочу. Это как дважды два.

— С тем за тебя и голосовать?

— С тем и голосуйте... без обмана...

Примерно тогда же наша многотиражка «Сталинский маршрут» дала его статейку «Почему я стал безбожником?». Статья гладкая; чувствуется, переписана другой рукой.

Отец его был божий угодник, верующий, каких мало. Бог его был дурак дураком.. Зато мать — чудо. Конечно, верила и она до гробовой доски. Но ее бог самый лучший, ты прости меня, в ее бога и я верю.

Была эта женщина в молодости редкостной, иконописной красоты. А главное, умелица на все руки: и вывих вправить, и колики унять, и рану от топора закрыть, а от укуса змеи, от дурного глаза заговорить. Лечила она травами не хуже нынешних гомеопатов, и людей и скотину, от всех хворей, какие случаются в деревне.

К тому же — песельница, сказочница... бог ты мой!

Слушал я ее. Старушка махонькая, бестелесная, под головным платком пух. А ручки живые... Глаза — черненькие бусинки, точно у мышки. Ножки неутомимы, походка — ловкой складной девочки. И память... Устная библиотека! Сказок у нее — с походом на тысячу и одну ночь. Но станет сказывать, обмолвится не тем словом — морщится от боли. И что еще в ней изумляло — улыбочка ее, точь-в-точь как у Джиоконды, бесовская! Видел ты Джиоконду? Ну вот...

Заговоры ее, насколько я могу понять,— стихи высокого пошиба. Искала она, кому бы передать эти свои заветные... сочинения... вдохновения... не знаю, как назвать. Я думал: ищет старая все же верующего, мистика. Потом понял: ищет талант. Чтобы слово любил — раз и все живое — два, бескорыстно, как она сама.

Один раз я соврал. Пожаловался ей: душа, мол, болит, Алена Михеевна, сглазили, ей-богу... Вдруг, думаю, услышу з а г о в о р.

Она встала, увела меня от людей, взяла за руку и шепчет будто не мне:

— Веришь, не веришь — верить не мешай. Грех срамить человека... И то дурость, как веришь в чего не надо. И то дурость, как не веришь в чего надо. Одинаково, милый. Кто верит ради одной веры, тот не верит. Тому и ты не верь. Он себя ради житель. А кто верит для всех людей, тот, точно, верит. Тому верь. Он не осрамит. Грешно срамить человека! Ну, как тебе... полегчало?

Спрашивает и смотрит в глаза. И улыбочка эта ее, лукавая, незабываемая...

Было ли мне стыдно? Нет, весело, Куприян. Все как рукой сняло.

Эта женщина спасла не одну жизнь.

Рожала девка нагуленного — от поповича. Ребенок шел ножкой. Считай, что на роду написано — погибнуть и дитю и матери. Да и поздно кликнули Михеевну, скрывали грех. Но она поспела. Без щипцов и без скальпеля справилась. Ребенок мертвенький. А мать жива!

Гадюка куснула корову. Прибежала Михеевна, подбирая свои подолы, фартуки да юбки, а у Буренки уже голова — с бочонок, распухла, разнесло. Звали, понятно, заговорить. Не знаю, что она сделала. Но корова не пала.

Мне известен случай, когда вот такая же кудесница заговорила раненного в живот, которого врачи уже приговорили ввиду перитонита, заражения крови. Он выжил, а врачи посмотрели и сказали, что не понимают того, что видят. Так было с отцом моей жены в Сибири...

При всем при этом Алена Михеевна наивна, проста, как младенец. Спросит, к примеру, что-нибудь житейское... Почему деньги — деньги? (Бумажные, конечно.) А ты гадаешь: дурочка перед тобой или гений?

А она еще добавит с улыбочкой:

— Много ума — много греха... А с дурня не взыщешь.

Или насчет техники. Авиация ее не удивила. Известно: ковер-самолет! А вот что такое, помилуй, господи, вон та черная трубка на стене в доме? В сказках бывает, видят за тридевять земель, но говорить не говорят... Так и не поверила, что телефон не розыгрыш. Потому что сказка — закон, сказка — правда. И понятно, музыка всей ее жизни.

Лазарич — фантазер в нее, в мать. И упрямец в нее же... В двадцать первом году, году страшном, когда наш главный слепил, однако, свой первый, самый первый самолет из палок да холста, втемяшилась брянскому мужику дикая фантазия, сумасбродство. Продал он свою избу, крышу над головой, продал корову, кормилицу, бросил землю, а в ней урожай картошки на год жизни, бросил лес, в котором родился, и сам-четвертый, с детишками, с нищенскими узлами, пробился в «максимку» и поволокся на малой скорости — куда бы ты думал? В голодную, холодную, чужую Москву. На этот раз пустил на ветер все, что имел, все, что нажил, без остатка, подчистую.

Поселили его в доме бывшего Тюлина, рядом с моим другом Федором Шумаковым, в подвале, Пушкарев переулок, семь, квартира пять. Жена, как увидела каменную обшарпанную лестницу в темное подземелье, села на землю и завыла: обманул! обманщик! губишь детей!

И разве она не права? Скажи, Куприян...

Зачем он это сделал? Видишь ли, поп в Алтухове, он же пасечник за отсутствием прихода, светлейшая голова, сказал, что обучил его сына Ванюшку, восьми лет, всей грамоте, коей сам владел. Школ не было на двадцать верст в округе: Федорцов сжег. Раздумался мужик и порешил: есть школы наилучшие, в самый раз для его сына в Москве... Видал ты чудака?

Профессии у человека никакой. И работы в Москве никакой. Хоть умри у всех на глазах. На биржах труда — толпы, драки. Товарняк разгружать задарма, за бумажные миллионы — и того не допросишься. У людей знакомства, заслуги. Тот пришел из армии, тот партийный. А у Лазарича разве что бородища по пояс, как у кержака.

Чем же он жил? По сути, одной верой... Той верой, что Советская власть для него, для его сына.

Послушай, что из этого вышло, какая его ждала беда...

Начал он письмоносцем. Таскал пудовую сумку по этажам из года в год. Тяжелая это работа. Для мужика в полной силе — изнуренье. Ни уму, ни сердцу, ни карману. Убежал бы, куда глаза глядят, кабы не четверо птенцов да наседка, самозабвенная, безотказная, в неоплатной обиде на тебя.

Федорцов воскрес, объявился в Москве. Пришел к земляку, в подвал, стал сманивать в нэп. Искал делец башковитых людей, сулил золотые горы: одеть, обуть, накормить досыта, поселить в бельэтаже...

Жена обрадовалась доброму человеку. Лазарич выставил его за дверь.

— Ступайте,— говорит,— господин, бог подаст!

Только лет через пять, если не больше, открылась на почте наконец-то вакансия. В шестом отделении, на Садовой... Стал наш герой не кем-нибудь, а старшим газетного стола; такие там старинные наименования должностей.

Ждал он этого часа. Тут же сломал уставы и уложения полувековой давности и учредил доставку по-своему, как сам придумал. Опять на свой страх и риск, без спросу и без оглядки, с самонадеянностью Иванушки-дурачка. Нравилось ему, чтобы с ходу и наповал. Этим славятся не только Цезари и Наполеоны.

Прибыла ревизия снимать его с работы. Спрашивает: известно ли ему, что за определенные служебные нарушения вменяется законом отдавать под суд?

— Как же,— говорит.— Хороший закон. Это как дважды два... Судите! В том,— говорит,— цель моей жизни.

Все-таки влепили ему выговор на словах. И одновременно в приказе по наркомпочтелю — благодарность. А вскоре дали квартиру в доме работников связи на Большой Бронной — из трех комнат, с балконом и с ванной! У меня, брат, такой квартиры нет, не заслужил.

Тем временем — тридцатый год... Незаметно подоспел сын Иван. Лентяй порядочный, незнамо в кого. Правда, книгочей, спорщик, политик — позлей своего бати. Обучился сынок. Далась ему профессия, бычку деревенскому, неслыханная в брянских лесах, самоновейшая, самоважнейшая. Натощак не выговоришь.

И как только он обучился, кончилась у нас безработица — изо всех зол зло. Сдохла гидра раз и навсегда. Тридцатый год, Куприян, тридцатый! Тринадцать лет нашей жизни... По-восточному — совершеннолетие.

Взяли парнишку на наш завод прямо с улицы. Поставили к чертежному столу. И пришел он однажды домой и сказал непостижимую вещь, что на таком-то и таком-то ТБ имеются его детали и даже узелки...

Это тоже, брат, из области чудодейства, по заговору российского рабочего класса!

Тогда написал Лазарич два заявления: первое на имя Калинина Михаила Ивановича, что так, мол, и так, благодарит за сына; второе по службе, об увольнении из почтового ведомства, ввиду перехода Советской власти на рельсы индустриализации.

Зря жена плакала, пугала, что выселят их из ведомственной квартиры. Могли, пожалуй, и попросить... Устала женщина. В который раз кидал человек на ветер профессию, место, дом. А ведь уже за сорок...

Сын привел Николая Лазарича ко мне, в мой цех. Так он просил: в тот цех, где делают из деталей и узелков, которые Ванюшка чертил, те самые ТБ! И тут я его понял и полюбил. Годы и годы шел брянский мужик и вел сына на завод. И дошел и довел. Ради такого случая сбрил бороду, помолодел на десять лет.

Само собой опять — с азов, как на почте. Взял я его уборщиком цеха. Даю ему ведро, швабру. А он: спасибо!

Недели за две превратил огромный сборочный цех в горницу. С детства сморкался с применением двух перстов. У нас завел носовой платок — впервые в жизни. Прознал, что Серго Орджоникидзе не принял одного начальника небритого, и на этом основании ввел в цеху инквизицию чистоты, как в своей фамильной крепостной вотчине.

Пришел в цех в дождливый день главный... У самых дверей встречает его Лазарич, здоровается.

— Где же, говорит, ваши галоши?

— Галош не ношу.

— Позвольте,— говорит,— я вам куплю из своей зарплаты.

— Простите, зачем?

— А будет что снимать... когда входите в дом!

Это у нас стало притчей.

Назначил я его начальником инструментальной кладовой, с хорошим окладом. Он дело наладил шутя. И пошел дальше своим путем. Стал человек к токарному станку учеником, с зарплатой меньше, чем у уборщика. Его сын начинал с сорока пяти в месяц, как несовершеннолетний, а он с тридцати. Костюм, без карточек, по коммерческим ценам, в бывшем Мюр и Мерилизе, стоил тогда сто семьдесят пять.

Через три месяца ровно дали Лазаричу сразу пятый разряд... Ныне его портрет на доске почета. Квартала не проходит без его заявки в БРИЗ. В тридцать пятом году он и слесарь Шумаков представляли наш завод на слете стахановцев в Кремле. Он и Шумаков!

И так получилось, что потянулись с родимой Брянщины за этим дурнем, строптивцем, его братья Яков и Константин со своими огромными семьями (у старшего одиннадцать детей), люди почтенные, богобоязненные в отца; и овдовевшая сестрица Мария. На завод, на завод... Благо, что брали.

Суди сам, что их вдруг разобрало. Что их влекло и манило: заработки наши, карточки, пайки? Отчего разом у всех головы закружились...

Сменщицей на станке Лазарича работает Томка Даргольц, начитанная девчонка, член комитета комсомола. Она рассказала ему про

Танеева. Был такой композитор известный. Когда ему стукнуло пятьдесят, он сказал про себя, что достиг всего, чего хотел. Лазарич загорелся:

— Все-го? Это когда же, при царском режиме? А дети... дети у него были? Это, говорит, отец Льва Толстого Николай всего достиг, а сам Лев Толстой — никак нет, хотя родил десятерых... да своего Христа!

Улавливаешь идею? Коронная его песня.

Однако все это еще присказка, а сказка, Куприян, вот какая. В один прекрасный день Лазарич понял, что пятьдесят лет его жизни рухнули. Не удалась жизнь. В один прекрасный день сын его Иван ушел с завода.

Дурные признаки были и прежде. Набиралась беда по капле.

Ленька, сын Марии, работать не пошел... Повадился ходить в какую-то там студию Вахтангова, к заслуженной артистке Ляуданской, которая учила будто бы не хуже Станиславского и Немировича-Данченко. А чему учила-то? Безделице. Шутовству.

И Дуська, дочь Константина, умница-девка, едва приехала в Москву, стала маляром-штукатуром,— и она туда же. В журнале «Работница» то и дело — ее стихи. Печатаются и печатаются.

Женское ли дело? А у Леньки мужское ли? Нешто они не знают, что писатели, тем более актеры, все подряд — пьяницы; это как дважды два, такой у них обычай, от века заведено... Верно, Толстой в рот не брал, так он толстовец, а Горький — у него чахотка; две этаких овцы на стадо, два лебедя в курятнике.

Втихомолку пописывал и Ванюшка. Он да Юрий Иваницкий сочинили марш завода... Мало ли! Как сказал Алексей Максимович: литературные забавы. И вдруг Лазарич узнает, что призвали Ивана, как ударника, в литературу. Вроде бы послали от завода.

Что это значит — Лазарич так и не понял. Призвали-то недоросля! Не то самому набираться ума-разума, не то учить ученых...

Однако же в тридцать втором году киностудия «Межрапомфильм» объявляет конкурс сценариев, международный. В жюри был Виктор Шкловский. Он у киношников не то бог, не то дьявол, но никак не менее пророка. Первая премия не присуждалась. Третью получил Эрих Мюллер из Мюнхена, а вторую — Иван... Пять тысяч рублей.

Вот и все. И ушел сынок с завода, с такого завода! От милого дела... от наших знаменитых ТБ, на которых, чего греха таить, думалось, годам к пятидесяти стоять бы Ванюшкиному имени, раз уж он такой пряткий, отцовскому имени — некогда безвестного брянского мужика.

Не прощает Лазарич сыну этого преступления. Пять лет, как не прощает. Горючт человек. Нрава он крутого. Взял как-то ножницы и обстриг Вассе Булгаковой, дочке братца Якова, наманикюренные ногти. Но что ж Ванюшке обстригать?

Сейчас он студент Литературного института имени Горького, где якобы учат на «писателей». А спроси, что у него будет в дипломе, в графе «профессия». Сам говорит: пробел... Пустое место!

Я знаю этот странный институт. Занятные там ребятки. Пишут стихи.

Лазарич стихов не читает. Храбрец, прозорливец, а дерзости своего сына не прочел ни умом, ни сердцем. Как там ни говори, его жизнь и жизнь его сына — две маленькие революции. У каждого свой потолок, своя телефонная трубка.

Я вот думаю: была бы жива Алена Михеевна... Не знаю, кому она передала свои заговоры: Дусе, Леньке, Ивану? Но они не дали ей помереть. Внуки приняли ее эстафету. Она бы их благословила!

Говорил ли я об этом Лазаричу? Конечно. Хитро он мне ответил... Весело ответил:

— Так-то оно так, паночки, да трудов жалко...

И впервые мне пришло в голову: а вдруг это зависть? Просто ревность к новому поколению... Эх, если бы наши отцы, Куприян, неучи, самородки, неистовые работяги, начинали с того, с чего мы начинаем!

Однажды, может быть, и мой сын скажет так обо мне... Жизнь идет по восходящей, день ото дня круче, в том ее и вкус. Это как дважды два.

Димитр МЕТОДИЕВ

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ

Поэма

Трудна битва за ход истории.
В политике, в экономике и в теории —
на перепутье,
где поединок невиданно лют,—
схватили друг друга за горло
Царь-Капитал и Труд.
Кто —
кого?..

От напряжения
неровно
Земли движение,
колеблется климат земной
между зимой
и весной.
Кто —
кого?..
Последнее усилие — смотрите — вот-вот
разлив вековую плотину прорвет
к черту!..
Изнывают в тревоге
буржуазные демагоги.
Что поделать,
придется утонченной реакции
на развод с демократией поистратиться!
Ну, мадам,
вынимай фату из сундука,
тебе не впервой,
решись же!
И Мошна Капиталова,
пожеманничав слегка,
опять вступает в брак с фашизмом.
«Благословен Бог наш...»
— Шагом... марш!

Корежат каменную кожу мостовых
гусеницами танки.
Словно заботливые крестьянки,
пулеметные смерчи
косят
колосья полей.

Живей!
Без церемоний и без фантазий
оседлают вас, как скотину:
Европа, Америка, Африка, Азия,
подставляйте спину!

И генералы вонзают шпоры железные
в ребра Гватемалы,
в сердце Индонезии.
Озверев от чести немалой,
всю планету взнуздать готов
сброд офицерский —
пьяная орава...

И каплет пена кровавая
с удил селений и городов...
Волки!
Ан нет уж теперь беззащитных ягнят:
«Коль жрать захотим, мол,
быть сожранным вам!»

Бросаясь в огонь, в напалмовый ад,
сражается гордый Вьетнам!
Босая, голая,
воюет Ангола!
Окруженная океаном
ваших угроз,
в руке с наганом
встает во весь рост,
весела, самоуверенна и тверда,
Куба —
Америки Южной звезда!

Мировые жандармы,
кончилось ваше время!

Против армии — армия!
Против власти — власть!
Мировая социалистическая система,
неустрашимая
идет
на вас.

Не возмущенная
делами вашими публика,
не немые свидетели в споре —
сплоченные
вокруг Союза Советских
Социалистических Республик,
мы приводим в исполнение
приговоры
Истории!

И трещат по швам
буржуазные карты.
И идут
за Лениным
на бой авангарды
на полях сражений
планеты.

Вся в движении,
взойдя от закваски
классовой,
Земля
набухает,
рвет оковы
и — гневна и сурова —
идет
за Лениным
в наступление!..

* * *

Еще вчера на нас наговаривали,
издевались: «Темнота! Варвары!»
Еще вчера благоволили беседовать
с нами через опытных толмачей —
господ следователей,
господ палачей.
Еще вчера,
совести своей не теребя,
целились атомной бомбой
в наш мир, в меня и в тебя.
Еще вчера!..
А сегодня
пылко
вдруг
возлюбили
наши властвующие
коммунистические фамилии!

Млея от умиления,
пекутся о социализме,
о Ленине!
Ведь Русь — на беду —
похоронила в окопах
первых посланцев их — интервентов!
Ныне,
ох, как охота им
вытравить Ленина
из голов интеллигентов!..
И с надеждой ярой
прильнул к окулярам
мировой буржуа —
ищет бациллы,

дающие силы
рабам вчерашним
превращаться в хозяев
фабрик и пашен.
Обливаясь потом,
с рекламным треском
всесильные мозговые тресты
изучают,
долбят
ленинизм,
чтоб душу его
испепелить дотла,
мечты переделать
в антитела
для ввода в наш организм.

Спешат! —
Пока еще живы
воздыхатели о наживе.
Пока мешанина
в душе мещанина:
и страх и сомнения.
Пока не всюду
еще есть сцепления.
Пока наш бетон
не затвердел.
Пока еще могут взять на прицел
сердце —
мое и твое —
и подчас
стрелять
руками товарищей
в нас!..
И вот — с кропилом,
со святой водицею,
с улыбкой такой елейной —
вступают в бой всевозможные рыцари
Интервенции
Идейной...
Ощупывают умов и сердец настрой.
Досье составляют на нас с тобой.
Внушают идеи,
прививают пороки.
Разводят лакеев.
Вскармливают гиен.
Провозглашают пророков
и гениев!..
Из недр веков,
из трясины частной собственности
оживают и обступают нас сонмы врагов —
и прямых и косвенных.
Эй вы,
у которых на лесть
податливы слюни,
легковерные
разных полов и лет!
Падайте на колени,
распускайте нюни
на мосту диалогов.
Да не забудьте букет
прихватить —
иначе что скажет о нас
Европа!..
И вот они —
первыми в топоте,
в ропоте,
готовые на благонамеренные потуги —
господа либералы
спешат предложить генералам
свои услуги.
И вот уже, вытянув языки-лезвия,
воскресает из мертвых,
из могил лезет
знакомая шатия —
соглашатели!
Неистребима меньшевистская свора!
Зазевался кто-то, не дал отпора,
где-то воздух прокис,
и глядь —
опять
нашествие крыс
по подвалам, этажам и карнизам...
Яловые,
хромые,
слепые,
жалкие,
отлежавшись на свалках,
господа меньшевики
«развивают»
большевизм!

Не смей сказать им:
«Бросьте бесчинствовать!» —
пропадет единство...

Правые и «левые» под ногами у нас
путаются на путях каменистых.
А вот и другая известная масть —
центристы!..

Один принцип
у центристских принцев:
левым глазом «налево» моргают,
правым — направо.
Объединяют!
А нам в лицо смеются
бесстыже:
— Не может быть
в опасности
Революция,
ежели идти к середке поближе!

И поют, слюною от радости брызжа:
«Две ручонки у меня,
ладошки белые.
Я одной другую мою.
Личико — обеими...»

А я постарел.
А я безнадежно зачерствел.
И не могу я петь с такими вместе,
не хочу подтягивать им, приплясывая.
Так и живу я —
из ветхозаветного теста
моего класса,
с Благоевско-Димитровскою
закваскою,
старой гвардии,
с моей
Болгарской коммунистической партией!

И не взять им меня ни дипломатией,
ни осадой, ни приступом.
Интеллектуальной кисою не бывать мне
в компании зарубежных туристов!

За столик сажусь — свое ставлю знамя:
пусть будет ясно господину и даме,
откуда я,
кто я,
с кем вместе в строю.
Я из могильщиков.
И на том стою.
И желаю знать точно,
без обиняков,
насколько каждый из вас готов
идти под стягом партийным на бой
вместе со мной.

Я ленинец.
Не нравлюсь я вам?
Спасибо.
И вы — мне.
И вам не дождаться,
господин и мадам,
чтобы я,
«просветленный»,
раскисший вполне,
приветствовал аттракцион ваш пышный,
мнимо надклассовый —
кто бы вы ни были:
просто бывшие,
или из мелкобуржуазной массы;
из птиц перелетных,
что исчезают суровой порой,
иль из присланных
с миссией
в железный мой строй!

• • •

Говорят:
загнивающий,
а пахнет приятно
капитализм...
Быть может...
Живите в объятьях
его миазмов!
Будьте для него донором!
Ставьте ему
интеллектуальный клистир!
Все равно:
умрет без чести, без гонора
от заворота кишок
капиталистический мир!

Не заставите нас с дороги свернуть!
Не собьете нас с толку!
Сколько угодно войте волком,
сколько угодно разводите муть
и мурлычьте,
как ласковый кот на полатях,
о преимуществах вашей демократии!
Дом наш не блещет убранством, знаем,
не оштукатурен еще как надо...
Но, когда на пороге детей обнимаем
и садимся к окну подышать прохладой
и посмотреть, как все растет и цветет,
и спокойно сияет земля молодая,
и детвора гомонит за калиткой, играя
в войну против вас,
проклятых господ,—
о чем говорить нам с тобой,
умирающий строй?
О какой демократии? О свободе какой?

Качаются наши братья, повешенные
под вашими небесами.
В живые сердца вгрызаются бешено
ваши овчарки клыками.
Танки с ходу сшибают хибарки
обездоленных бедняков.
Дубинки жандармов и газ —
против масс,
потерявших работу и кров.

И в одной ли стране планеты
за кровавою ночью вослед
свобода, в рубище одетая,
со штыком в спине
встречает рассвет?

Но толчки подземные
сотрясают тресты,
расшатывают банки.
Сквозь дымовые завесы,
прямо на пушки и танки
миллионы
могильщиков
непреклонно
шагают,
сметая
ложь о мире меж классами.

Напрасно
компас трясете с опаскою!
Как рука Ленина,
простертая вперед,—
красная стрелка
лишь одно направление
дает!
И на всех фронтах,
где идет за свободу сражение,
всюду, где половодье
ломает лед,—
всегда впереди,
верный завету Ленина,
Советский Союз —
наш оплот!
Слышите?
Грохочет, бушует
энергия ленинизма
в гигантской лаборатории
Революции!

Еще вчера — капризная,
ныне —
и в солнечный день и в ненастный —
идет
за Лениным
сама История,
укрощенная,
послушная,
нам подвластная!
Под звуки
«Интернационала»,
сжав пять континентов
в кулак,
чтоб покончить с мытарством,
Земля
сокрушает
мир капитала
молотом пролетарским!

И под октябрьским алым знаменем Ленина,
под небосводом,
яркими молниями пронизанным,
непобедимо,
неотвратимо
шествует
Великое Переселение
народов
от капитализма
к коммунизму!

**Авторизованный перевод с болгарского
Милена Маринова**

София, 1970.

БОЛЬШАЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

Ю. СБИТНЕВ

I

«8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена...» Это слова из приказа Верховного Главнокомандующего № 369 от 9 мая 1945 года.

Пройдут годы, столетия пройдут, но не канет в Лету, не померкнет тот день, когда весь мир от края до края услышал два русских слова: победоносно завершена!

Эти два слова нес советский солдат через пламень Сталинграда и Курской дуги, через огненную лавину Днепра и пожарища Белоруссии. Эти слова застывали на окаменевших губах воинов наших, павших за освобождение Европы. Эти слова многоголосо грянули над поверженным гнездом фашизма — Берлином. Эхо этих слов во веки веков будет отзываться в сердцах потомков.

К этим высоким, праведным словам мы шли с песней, что стала так же бессмертна, как бессмертен подвиг советского народа:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

И вот она, эта песня, до слез, до колючего комка в горле тревожа сердца, снова звучит сегодня с экрана кино...

Идут титры нового художественного кинофильма «Освобождение». Экран словно разделен надвое невидимым рубежом. В правой его части проходят перед зрителями кадры далекой военной хроники: советские заводы, сборочные цехи, женщины и старики, молодежь — совсем еще дети — собирают танки, самолеты, снаряды...

«Все для фронта, все для победы!» Помните этот лозунг, так созвучно близкий с ленинскими лозунгами революции.

А в левой части экрана — все еще сильный, все еще улыбающийся под бравурные прусские марши враг. На зрителя словно бы наползают бесчисленные громады танков... Текучие серые реки до зубов вооруженных людей. Прямо в зрачки, в самое сердце зала нацелены жерла орудий.

Время суровое, беспощадное, героическое, злое... Великое время смотрит с киноэкрана.

Где-то на тайных полигонах фашистской Германии испытывают броню новых, невиданных еще миром танков, на которые возлагают свои «великие» надежды главари фашистского рейха и сам Гитлер. Вот он, уверенный в своей сверхчеловеческой силе; резок в движениях, эффектно решителен; молча спускается по бетонным ступеням в подземный бункер. Фашистские военные главари, генералы и фельдмаршалы еще по-прежнему самоуверенны и строги. Они решительны и, если так можно выразиться, боевиты. Они верят в победоносное завершение операции «Цитадель», для обсуждения которой и собрались тут; их новое оружие — бронированные «тигры», «пантеры», «фердинанды» порвут в клочья оборону русских, стальной лавиной хлынут на Курск в обход советской столицы и сомнут ее — Москву — беспощадной своей мощью...

Этот первый игровой эпизод фильма, как и следующий за ним эпизод в Ставке Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, всего лишь пролог. Но пролог, настраивающий зрителя на вдумчивое, серьезное участие — именно участие — в событиях, которым посвящены две первых картины из пяти; они вкупе расскажут нам о героическом подвиге народа.

Мы начали рассказ о фильме так, как начинают киноповествование его создатели, участники Великой Отечественной войны Ю. Озеров, Ю. Бондарев, О. Курганов,— с эпизода в ставке Гитлера.

Советский зритель за последние десять — пятнадцать лет «избалован» — если только тут подходяще это слово — лицезрением фюрера. В многочисленных кинохрониках, в фильме «Обыкновенный фашизм», в десятках картин отечественного и зарубежного производства мы предостаточно были ознакомлены и с внешними чертами и с чертами характера этого «супермена», принесшего на землю столько трагедий, страданий и крови. Пожалуй, можно сказать, что образ его в кинематографе был вылеплен. В картине «Освобождение» он получил свою логически объективную завершенность в трудной, но блестяще выполненной работе актера Фрица Дица из Германской Демократической Республики...

Но вернемся к прологу. Создатели исторической киноэпопеи — а именно таким по жанру и является фильм «Освобождение» — из подземной громады бетонированного бункера переносят кинокамеру в весеннюю Москву.

Спокойно, удивительно добро звучат куранты Спасской башни... Красная площадь. Три теперь уже старомодные машины пересекают ее, направляясь в Кремль. Строгие, темные ели. Брусчатка, омытая первыми весенними дождями. Все эти детали, показанные словно бы вскользь, трогают сердце, запоминаются...

Одна из машин останавливается у подъезда кремлевского здания. Не спеша, как бы с трудом, чуть сутулясь, выходит из нее уставший, но очень сильный человек; кажется, он несет на своих плечах невидимую тяжелую ношу. Широкое плечо, маршальский погон, фуражка с высоким околышем, решительный профиль... На экране Сталин (Б. Закариадзе).

Рабочий кабинет Верховного Главнокомандующего. Жуков (М. Ульянов), Василевский (Е. Буренков), Антонов (А. Стржельчик).

Предельно четко, без единого лишнего слова идет обсуждение весенне-летней военной кампании 1943 года. Все в игровом эпизоде пролога — очень глубоком по содержанию — подчинено единой мысли: принятое решение должно быть **единственно** верным. История не простит ошибки.

Встретившись в кабинете Верховного с полководцами Великой Отечественной, в первое мгновение еще ищешь пресловутый глобус, но потом как-то сразу и забываешь о нем: уж слишком все происходящее значительно, захватывающе...

«В этом фильме,— рассказывает один из создателей киноэпопеи, писатель Юрий Бондарев,— мы старались раскрыть миллионам и миллионам зрителей во всей значительности и широте правду об освободительной миссии Советской Армии, которая великой кровью, ценой миллионов жизней заплатила за свободу и независимость народов Европы. Создавая сценарий, мы руководствовались только правдой, только объективностью, только подлинными фактами, имевшими свое неукоснительное место в истории Великой Отечественной войны...»

Советские кинематографисты создали десятки правдивых, запоминающихся картин о ратном подвиге советского народа. Десятки героев, сошедших с экрана, стали любимыми героями зрителей; достаточно назвать довоенный еще фильм «Боевые подруги», а потом «Радугу», «Молодую гвардию», «Секретаря райкома», «Весну на Одере», «Нашествие», «Падение Берлина»... Список этих фильмов можно было бы и продолжить; все они, каждый по-своему, останавливали внимание зрителя на одном или нескольких эпизодах из летописи Великой Отечественной войны. Каждый из постановщиков выбирал для себя одного или нескольких героев — о них и рассказывала картина.

Но проходило время. И все острее ощущалось желание зрителей увидеть на экране творчески **обобщенную** картину войны — широкую, правдивую эпопею, где героями стали бы многие и многие солдаты и офицеры, генералы и маршалы, где события не ограничивались бы тем или иным эпизодом, а развертывались бы на большом историческом полотне, воспроизводили бы основные этапы героического пути нашей армии.

Это было необходимо еще и потому, что поколение, родившееся после победы, тоже должно было увидеть и как бы заново, наяву пережить то, что выпало на долю старших поколений. И увидев ту великую правду, возгордиться народным подвигом, как гордятся те, кто в действительности перестрадал, пережил время Великой Отечественной войны...

II

Мы уже говорили, что по своему жанру фильм «Освобождение» — историческая киноэпопея-хроника.

Думается, именно такому трудному, масштабному, в то же время скрупулезному жанру зритель отдаст должное. Потому что неистребима, нескончаема жажда нашего народа к правде. А правда в истории нетленна и вечна...

Само собой разумеется, осуществление такой задачи связано с максимальным напряжением всех творческих сил создателей фильма, полной самоотдачей себя делу. А если до конца отдавать должное творческому подвигу в искусстве, то надо отметить, что мы имеем в виду не только первоначальных создателей эпопеи: сценаристов, режиссера, оператора... Тут следует говорить обо **всем** творческом коллективе, о каждом участнике.

Фильм повествует о трех годах Великой Отечественной войны — 1943-м, 1944-м, 1945-м.

С «Огненной дуги», с битвы под Курском началось освобождение народов Европы, утверждают создатели эпопеи. И это утверждение ни в коей мере не расходится с исторической правдой.

«Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой»[1]. Именно после этого сражения Коммунистическая партия ставит перед советским народом первоочередную задачу: «Освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями,— народы Франции, Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и других государств, находящихся под немецким игом, вновь должны стать свободными и самостоятельными»[2].

Такова правда. Таков исторический факт...

---

[1] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат. 1950. стр. 205.

[2] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат. 1950, стр. 225.

Капитан Цветаев — артист Николай Олялин.

На подходах к Прохоровке...

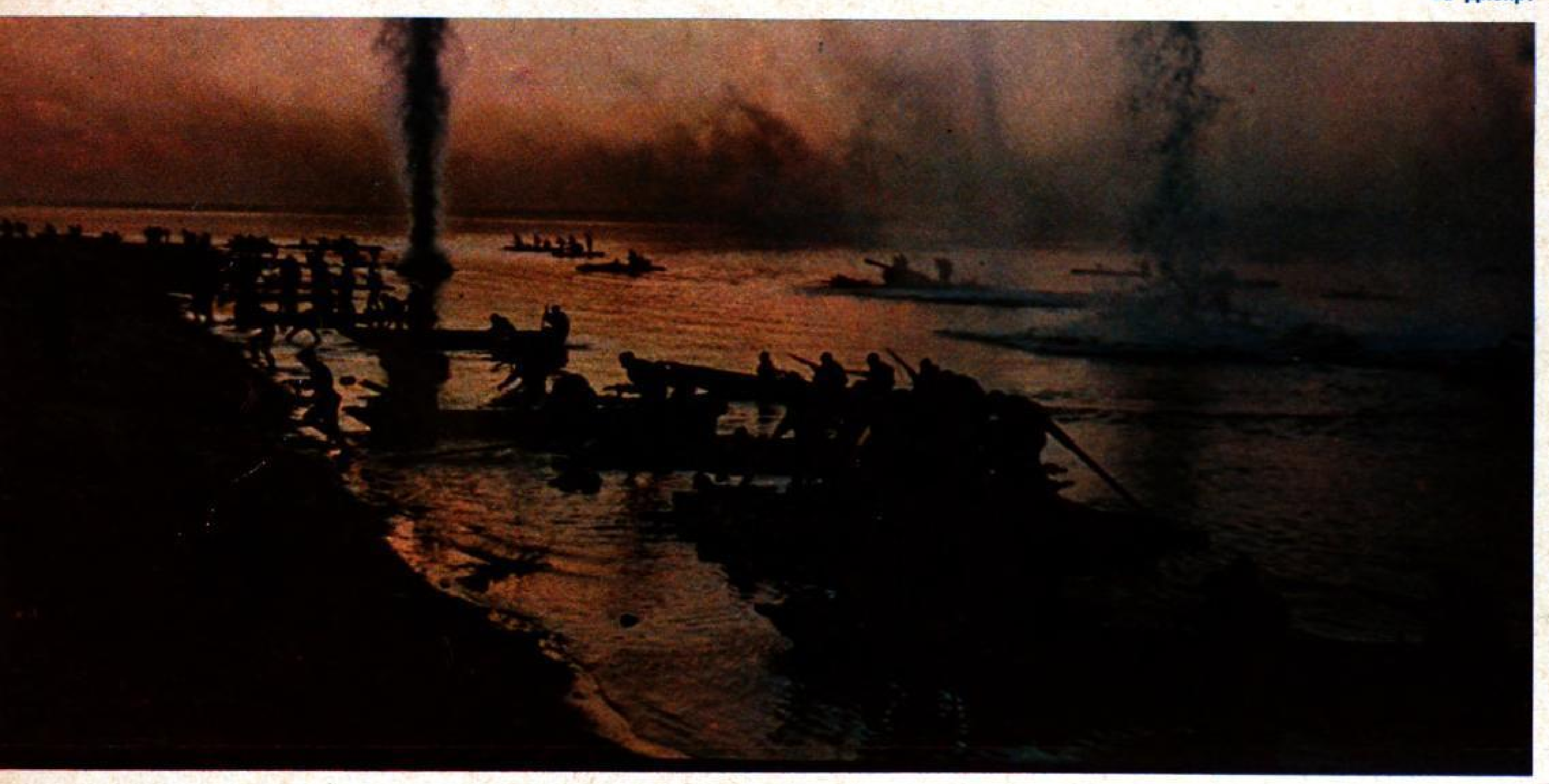
В танковой армии генерала Катукова.

Последнее орудие батареи Цветаева...

За Днепр!

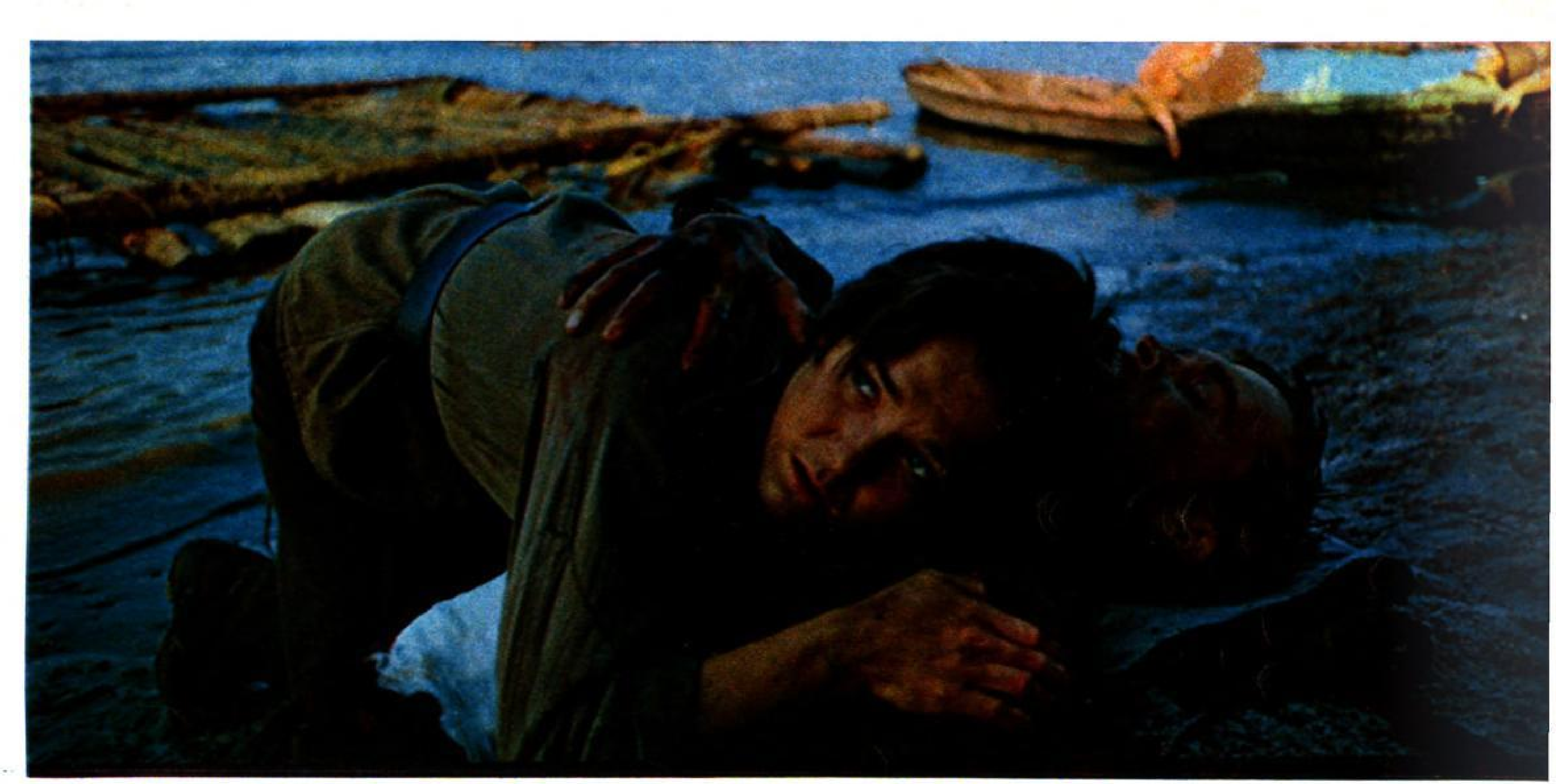

В штабе фронта.

Танковое сражение под Прохоровкой.

Уже не сумеет помочь медсестра Зоя (артистка Л. Голубкина) смертельно раненному воину (Ив. Николайчук).

Идут фашистские танки...

Полковник Громов (В. Самойлов) и подполковник Лукин (В. Санаев).

Советские войска форсируют Днепр.

Командир батареи капитан Цветаев с ординарцем Сашкой. Артисты Н. Олялин и С. Никоненко.

И следующая за кинолентой «Огненная дуга» картина «Прорыв» рассказывает о битве на Днепре, об освобождении столицы Украины Киева.

В канун 25-летия Дня победы оба фильма выйдут на широкий экран страны. Следующая картина (работа над которой тоже близится к завершению) названа «Направление главного удара». В ней воспроизведены основные эпизоды операции, вошедшей в историю под кодовым названием «Багратион». Это рассказ об освобождении Белоруссии.

Впервые в кино будет подробно рассказано о неудавшемся покушении немецких генералов на Адольфа Гитлера. Перед зрителями пройдут генерал-полковник Бек (Вернер Виеланд), полковник Штауфенберг (Альфред Штруве) и все те, кто был с ними связан нитями заговора.

Широко рассказывают кинокадры о борьбе чехословацких и польских частей, частей Народно-освободительной армии Югославии с фашистскими войсками.

Нашла свое экранное воплощение история поимки Муссолини. Показано, как судят «дуче» итальянские партизаны.

Трудно перечислить все те события из истории Великой Отечественной войны, которые вошли в киноэпопею. Хочется лишь отметить, что вместе с советскими киноартистами в фильме работали многие зарубежные актеры. Чехословацкие, югославские, польские, итальянские эпизоды написаны сценаристами этих стран.

В целом историческая эпопея-хроника «Освобождение», включающая в себя три серии, состоящие из пяти полнометражных картин,— пока самое крупное по масштабам произведение советского кино.

Но вернемся к «Огненной дуге» и «Прорыву» — картинам, открывающим эту эпопею.

Русское поле... Пора сенокоса. Высоко поднялись травы, затяжелели росами... Словно ждут широкого взмаха косы, веселого стрекота косилок, всегда радостных в эту пору голосов людей. Но стоит тишина. Глубокая тишина короткой июльской ночи. Русское поле разделено надвое колючей проволокой заграждения. Медленно взлетают к высокому небу ракеты. Изредка убегают лунной дорожкой за горизонт лучи прожекторов. Тишина... Тишина настороженная. Военная тишина, которая всегда предвещает тяжелую ратную работу... Через какой-нибудь час это русское поле с извечным его зовом к себе трудолюбивых крестьянских рук станет полем смерти, полем невиданной еще в мире битвы... Запомните же это поле, люди! Запомните его таким мирным, каким оно **должно** быть всегда, вечно!.. Запомните потому, что к мирному полю испокон веков тянутся алчные руки завоевателей. Оно суть нашей земли, это русское, широко раскинувшееся под Курском поле... Сейчас на нем будет решаться судьба народов мира.

И грянул бой...

Но прежде чем зритель увидит на экране этот бой, эту великую огненную битву, блестяще отснятую в поистине глобальных масштабах, прежде чем зритель сам станет участником битвы — а таков уж секрет этого кинофильма, что авторы именно и заставляют самого зрителя как бы участвовать в событиях,— прежде всего этого мы успеем побывать и в блиндаже командира полка, и на батареях, и в окопах, и, наконец, в штабах дивизий, армий, фронтов, в Ставке...

Сталин (Б. Закариадзе), Жуков (М. Ульянов), Рокоссовский (В. Давыдов), Телегин (П. Щербаков), Малинин (Г. Михайлов) — прославленные полководцы и военачальники склоняются над оперативными картами... Сейчас их разум и воля решают задачу, которую должны выполнить тысячи людей. Сейчас они ответственны за исход битвы, за действие каждой роты, батальона, полка, дивизии...

Война штабов, война разумов, война умения... Пожалуй, это — одно из тех главных слагаемых, что делает фильм удивительно напряженным и глубоким. Не просто вымышленный герой в погонах полковника, генерала, маршала управляет боем, а конкретные исторические лица отдают приказы, направляют тысячи людей, быть может, на верную смерть, в огненный ад битвы...

Ни единый человек не останется равнодушным к гибели тех двух батальонов, которые с таким трудом форсируют Днепр в кинокартине «Прорыв». Эти люди, героически умирающие на пятачке плацдарма за Днепром, ждущие, что вот-вот переправятся через Днепр новые части, прикрывающие эти части своими жизнями, ничего не знают о том, что командование приняло решение начать переправу в **другом** месте. Им отдан приказ: держаться. И они держатся, эти необыкновенные в своем обыкновении люди... Их жизнями оплачен успех операции — так продиктовала железная логика войны, так продиктовала военная тактика... Гибнет полковник Лукин, превосходно сыгранный артистом В. Санаевым. Гибнут его «сынки». Невозможно удержать слез, горечь мучает сердце... Но так было. Так **надо** было... Это правда.

...В нашем кинематографе нет-нет да промелькнет этакая добренькая — не добрая, а добренькая! — мысль: дескать, гибли батальоны, дивизии, заведомо брошенные командованием на смерть,— ах, как было это бесчеловечно!..

В кинокартине «Прорыв» тоже гибнут батальоны, посланные на верную смерть конкретными историческими личностями. Мороз пробирает по коже, когда чудом оставшийся в живых капитан Цветаев (Н. Олялин) докладывает командиру дивизии Громову (В. Самойлов) о возвращении батальона с того «пятачка»: Цветаев вышел оттуда **один**.

...И этот эпизод, как все другие, поистине историческая правда. Та большая правда войны, которая неистребима в сердце народа.

Можно говорить о десятках превосходно выполненных ролей, можно бесконечно перечислять захватывающие эпизоды. Можно, не покривив сердцем, воздать должное всему творческому коллективу и каждому его участнику в отдельности, но съемки фильма продолжаются. Идет напряженная, серьезная, творческая работа, окончания которой ждет многомиллионный зритель.

Эра ДАНИЛОВА

— Помните, у Бориса Горбатова: «Все на Восток, все на Восток...»? А мы в это время шли на запад — Коренастый, невысокого роста генерал, легко наклоняясь, достает из идеально полированного стола пачку старых фотографий.— Вот на таких машинах шли.

Начальник штаба авиации Военно-Морского Флота генерал-лейтенант Петр Ильич Хохлов бомбил в сорок первом Берлин, и здесь, на протянутой мне фотографии, штурман полка капитан Хохлов запечатлен у боевой машины перед ответственным вылетом.

В июле сорок первого земля с высоты представлялась бесконечно текущей дорогой. Летчикам — балтийцам первого минно-торпедного полка в те дни приходилось работать над сушей: бомбить танковые колонны фашистов, идущих на Ленинград. По два-три вылета в день, как правило, без прикрытий: не хватало истребительной авиации. На восток по дорогам тянулись беженцы. Немецкие истребители расстреливали беженцев в упор. Земля с высоты была большой открытой раной, и человеческая жизнь, даже собственная, казалась ничтожной в сравнении с тем, что было на земле внизу.

— Страха перед смертью не было,— говорит генерал.— Никто тогда не думал о себе. Но на второстепенных ролях погибать не хотелось.

И когда в полк прилетел командующий авиацией Военно-Морского Флота генерал-лейтенант Жаворонков, чтоб отобрать для особого задания Ставки опытных авиаторов, каждый мечтал быть включенным в это число.

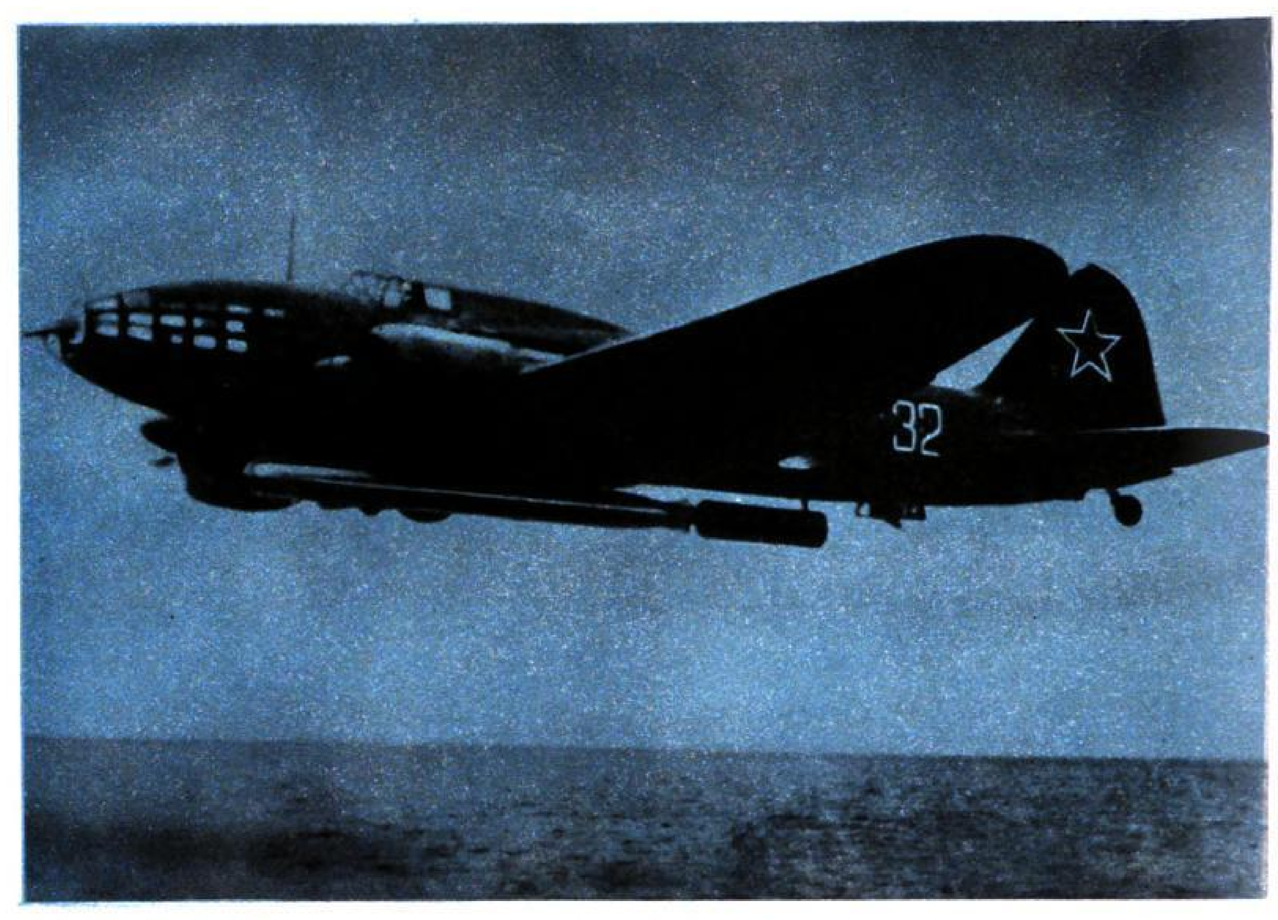
О полетах на Берлин в августе сорок первого написано немало — от коротких сводок Информбюро до развернутых сценариев для теле- и кинофильмов. Есть книга Григория Мирошниченко о героях минно-торпедного авиаполка, которым командовал полковник Преображенский — организатор берлинской операции и главный же исполнитель ее. И все-таки мы, журналисты, идем к этим людям опять и опять, в который раз допытывая их, как сумели они, как смогли, будто есть в совершенном еще не раскрытая тайна. А может, так оно на деле и есть?

Бомбить Берлин предложил генерал Жаворонков в ответ на бомбардировки немцами Москвы. Верховный Главнокомандующий одобрил идею. Надо было осадить зарвавшегося врага, доказав всему миру несостоятельность геббельсовских заявлений о неуязвимости германской столицы. «Ни один камень не содрогнется в Берлине от постороннего взрыва. Немцы могут жить в столице спокойно». На этот раз, возможно, Геббельс и не врал. Возможно, он в неуязвимость даже верил. Достаточно было взглянуть на карту. Почти все побережье Балтики, включая Белоруссию с Украиной, считалось оккупированной территорией. Ближайшие аэродромы обкладываемого блокадным кольцом Ленинграда были слишком удалены для выполнения такой операции — бомбардировщик «ИЛ-4» был слишком хорошо известен немцам, чтоб допустить его появление в берлинском небе. И все-таки он появился. Немцы плохо знали наших людей.

На остров Сааремаа, где базировался аэродром, они прилетели четвертого. На машинах, потрепанных в боях и требующих ремонта. А в ночь с седьмого на восьмое августа тринадцать тяжело груженных бомбардировщиков, оторвавшись с трудом от земли, взяли курс на Берлин. Это потом, на острове, недалеко от Кярдласской школы, где в сорок первом поселились летчики, поставят у до-

Евгений Николаевич Преображенский — командир полка — и Петр Ильич Хохлов перед первым полетом на Берлин.

1941 год — на Берлин!

роги камень с надписью, и местные школьники заведут переписку с теми, кто остался в живых. А имена пяти Героев Советского Союза: Евгения Николаевича Преображенского, Петра Ильича Хохлова, Василия Алексеевича Гречишникова, Михаила Николаевича Плоткина, Андрея Яковлевича Ефремова — тех, кто впервые дошел до Берлина еще в сорок первом, будут навечно вписаны в историю Великой Отечественной войны. Но в те дни невозможным казалось все. Аэродром в тылу врага, без бетонных покрытий. Взлет с грузом бомб в тысячу килограммов... Падал на взлете Беляев. Падал и горел с машиной командир эскадрильи Гречишников — с таким грузом по такому грунту еще не взлетал никто. Они научились. Не было времени строить аэродром, да и с этого можно было взлетать, пока гарнизон еще удерживает остров. Налеты с воздуха, огонь восьмидюймовок с моря. У летчиков во время короткого сна под подушкой на случай десанта — гранаты.

Это потом, в тиши военных кабинетов, по совокупности определится роль берлинской операции в психологическом переломе войны. Для тех же, кто тогда ее исполнял, главным было одно — долететь.

— Что будет с нами,— говорит генерал,— о том не думалось. В те дни мы позабыли о себе.

До цели и обратно — тысяча семьсот шестьдесят километров. Восьмичасовой напряженный полет. В темноте, на большой высоте, по приборам. В условиях кислородного голода, в кабинах без обогрева при минус сорок шесть за бортом! В истории авиации, правда, был прецедент. Экипаж Гризодубовой. Перелет без посадки Валерия Чкалова. Тогда рекорды ставились на дальность. Только условия были не те. И цели тоже были иные.

В берлинском небе они появились в полночь. Город был нагло, вызывающе освещен. Четко прорезаны светом ночных фонарей берлинские улицы. Искрятся дуги трамваев. Лунной дорожкой блестит, извиваясь, канал. Опьянев от военных успехов, столица третьего рейха в этот час никого не ждала. В Штеттине, приняв за своих, им даже давали... посадку.

Уже определился контур цели. Машины для удара ложатся на курс. Хохлов поймал себя на том, что, нажимая на кнопки бомбосбрасывателей, он кричит: «Это вам за Москву! За расстрелянных беженцев! За слезы наших женщин и детей!»

Берлин мгновенно погружается во тьму. Столбы прожекторов упираются в небо. Бестолково начинают работать зенитки. Проскакивают мимо с горящими фарами истребители. Их преимущество — скорость, сейчас, в темноте, работает против них: наши самолеты, маневрируя, уходят в сторону от светящихся фар. Стена огня встает на пути самолетов. В кабинах отчетливо пахнет порохом. Через каждые полминуты штурман меняет курс. От такого маневра вибрируют стенки кабины, дрожит фюзеляж. Пилоты убирают газ, чтоб сбить у выхлопных отверстий демаскирующий огонь. Но терять высоту опасно: внизу, на лунной тропе, зловещие тела аэростатов.

Экипажи наблюдают: новые очаги пожаров занимаются на земле — есть великая разница между тем, что называют люди местью, и тем, что зовется возмездием! Горит Штеттинский вокзал, в огне — железнодорожная станция Вицлебен. Рушатся стены заводских корпусов. Стрелок-радист Володя Кротенко открытым текстом передает в эфир: «Задание выполнил, возвращаюсь на базу. Мое место — Берлин!» В ту ночь впервые в берлинском небе звучала русская речь.

Целый час сквозь многоярусный огонь пробивались экипажи к морю. В ту ночь они должны были уйти. Чтобы вернуться в следующие ночи.

Уже после войны бывший старший сержант, подполковник запаса Кротенко нашел в архивах письма, отправленые из Берлина на фронт. «Нам всем говорят, что нас бомбят англичане,— писала 17 августа сорок первого года своему мужу Анни Реннинг.— Но нам точно известно, что в эту ночь нас бомбили русские. Они мстят за Москву. Берлин от разрывов бомб весь содрогнулся. Зачем вы, Эрнст, связались с русскими!» Невеста попавшего в плен некого Штумера сообщала о том же: «Вчера с половины двенадцатого до половины пятого утра хозяйничали летчики. Чьи? Неизвестно. Всякое говорят. С Брунгильдой мы пошли в бомбоубежище. Там сказали, что это были русские летчики. Подумай только, откуда они летают!.. Мы прямо-таки отчетливо слышим, как русские ползают над нашими головами, у них характерный монотонный гул самолетов. Они бросают адские бомбы». Иностранные наблюдатели отмечали неспособность берлинцев, в отличие от жителей Лондона, переносить воздушные налеты — «после объявления воздушной тревоги они начинают метаться». И страх, с которым те встречают сообщения о налетах на Москву — «они боятся ответных налетов».

Тридцать пять дней враг не знал покоя на своей земле. Он усилил зенитный заслон — теперь огонь встречал бомбардировщиков на самой границе. Увеличил в берлинском небе число истребителей. Наши летчики продолжали бомбить Берлин. Гитлер дал приказ уничтожить группу, стерев аэродром с лица земли. Аэродромная команда рубила просеки для рулежных дорожек, разбирала каменные изгороди, делившие хуторские поля. Машины ставились впритык к хозяйственным постройкам, маскировались под строения. Подобного рассредоточения самолетов не знал ни один аэродром. По нескольку раз в день над ним «трудились» «мессеры», делали фотосъемку разведчики, по ночам забрасывались диверсанты. Наши летчики прорывались к Берлину, громя военные объекты Данцига, Мемеля, Кенигсберга.

По Ленинграду прокатились митинги: наши бомбят Берлин! В музее Советской Армии хранятся листовки и плакаты тех лет. Не так страшен черт, как его малюют! Жданов назвал балтийских летчиков, летавших на Берлин, политической авиацией. Ленинграду нужна была их поддержка. Ленинград готовился к подвигу.

Из чего слагаются победы? Из гениальности расчетов полководцев? Технической вооруженности солдат? Но опыт знает и другую меру. История бросала на весы и чистоту человеческих помыслов. Страдания людей...

Хохлов вспоминает, как в блокадную зиму сорок второго повез знакомым на Васильевский буханку хлеба. Знакомых не оказалось в живых — вся семья умерла от голода. Навстречу шел, едва передвигая ноги, должно быть, очень слабый человек. Хохлов протянул

человеку буханку — тот в страхе отпрянул, схватил, побежал и снова вернулся, кричал вслед машине: спрашивал имя.

— Об этом надо писать самому,— говорит генерал.— Да вот,— кивает он на телефонный агрегат, миганием лампочек прерывающий нашу беседу,— работа. Руки не доходят.

Слагаемые подвигов. История борьбы. Стратегия и тактика поступков. Способность редкая — не думать о себе. На острове в их честь сейчас поставлен камень. Саремааский мрамор — доломит. Чуть вправо от него виднеется лесок. Там укрывали летчики свои машины. Настоянный сосной и ветром воздух Сааремаа. Тогда в донесениях он назывался Эзель. Восьмого числа на Эзель пришла телеграмма от Сталина. И в школе, откуда Хохлов получает письма, тогда пустой, без детских голосов, телеграмму зачитали вслух.

События тридцатилетней давности, задержанные памятью штрихи. В одну из ночей, когда аэродром бомбили «юнкерсы», а диверсанты наводили их ракетами на места самолетных стоянок, адъютант Жаворонкова майор Боков предложил стрелять ракетами со всей территории острова. Оповещенные по телефону посты устроили такую иллюминацию, что бомбардировка аэродрома практически свелась к нулю.

Из чего слагаются победы? Хохлов сказал, что против техники врага они нередко воевали и смекалкой. И чаще побеждали не числом. Ведь то, что представлялось невозможным Геббельсу, оказалось под силу обыкновеннейшим русским парням, попавшим в авиацию по призыву. Хохлов работал токарем на московском заводе. Вызвали в комитет комсомола, сказали — надо. Поехал учиться в Ейск. Москвич Ефремов выпускал многотиражку на Войковском — послали в летное, в Оренбург. Преображенский учительствовал в Череповце, Гречишников токарничал в Николаеве, Плоткин был сапожником в Иванове.

Мигают лампочки на сложном агрегате. Хохлов задумался и трубки не берет.

Из пятерых лишь он да Ефремов в живых. Погиб под Тихвином Гречишников, свою горящую машину он бросил на танковую колонну врага. Погиб под Ленинградом Миша Плоткин. Семь лет назад ушел из жизни прекрасный летчик и огромной души человек Евгений Николаевич Преображенский. Из чего слагаются победы?

За спиной у генерала карта с океанами. И трассы летчиков — над всеми водными пространствами земли. Но и сейчас, в век реактивных скоростей, победы тоже добывают не числом, а тем же старым способом — умением.

— Умением дойти до цели. Умением от нее, пораженной, уйти.

Он говорит о мощи перехвата, о фантастической точности ракет, отлично зная, что в готовности к войне хранятся меры для ее предотвращения. Но и другое знает генерал. Как невозможное становится возможным, как преодолевают непреодолимое, как обращается бессмертием смерть. Не только техника вершит исход борьбы. Исход борьбы всегда решали люди. Великое единение, которому имя — народ.

ИСТОЧНИКИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

К 25-летию нашей великой Победы над фашизмом в различных московских и периферийных издательствах вышло много книг. Одна из них — популярный очерк о Великой Отечественной войне с кратким и точным названием «Великий подвиг». Этот труд принадлежит перу военного публициста генерал-майора В. С. Рябова. В нем автор дает всесторонний и глубокий анализ важнейших боевых операций на суше и на море, а также показывает канун войны, подготовку к ней партии и народа, характеризует основные источники нашей Победы.

Известно, что буржуазные фальсификаторы истории приложили немало сил к тому, чтобы доказать неподготовленность советского народа к войне с фашистской Германией. На конкретных и убедительных примерах автор показывает несостоятельность подобных утверждений.

В книге приводится целый ряд фактов, которые неопровержимо свидетельствуют о том, что Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство видели фашистскую угрозу и делали все для того, чтобы подготовить нашу страну к надежной обороне в экономическом, морально-политическом и особенно военном отношениях.

Характеризуя начало Великой Отечественной войны, автор убедительно показал, что расчеты фашистского командования на молниеносную войну и «легкую прогулку» потерпели полный провал. Никогда еще гитлеровская армия не имела таких огромных потерь, как это случилось в первых боях на советско-германском фронте.

Тяжелый урон понесли и Советские Вооруженные Силы. В. С. Рябов дает подробное и правдивое объяснение причин нашего вынужденного отступления и потерь в первый период Великой Отечественной войны. Но по мере продвижения гитлеровских войск в глубь нашей страны сила сопротивления Красной Армии не ослабевала, а возрастала. Автор подтверждает это примерами героической обороны Киева, Одессы, Севастополя, Ленинграда, Сталинграда и других городов и населенных пунктов.

Отдельные главы книги посвящены беспримерным сражениям под Москвой и Сталинградом. Один из битых немецких генералов, Г. Блюментрит, писал: «Надежды вывести Россию из войны в 1941 году провалились... Кампания в России, а особенно ее поворотный пункт — Московская битва, нанесла первый сильнейший удар по Германии как в политическом, так и в военном отношении». Поражение под Сталинградом, по признанию самих фашистских руководителей, повергло в ужас немецкую армию. В странах фашистского блока начался разлад.

А затем битва под Курском и массовое изгнание врага с захваченной им советской территории. Грандиозное сражение за Днепр, победа под Ленинградом, битва за Правобережную Украину, победа в Крыму, полное освобождение Белоруссии, Украины и Прибалтики, очищение от вражеских войск Заполярья — вот основные этапы нашего победного пути, славные вехи борьбы советского народа против иноземных поработителей.

Сколько изумительных подвигов, неописуемого мужества, отваги и героизма было совершено на этом тяжелом, но славном пути!

В. С. Рябов наряду с описанием известных героев и подвигов открывает новые имена, рассказывает о событиях малоизвестных или неизвестных совсем. В боях за Великие Луки в самом начале 1943 года исключительный героизм и самопожертвование проявил экипаж советского тяжелого танка. Ведя губительный огонь, танк на большой скорости ворвался в крепость, в которой находился обороняющийся гарнизон врага. Оправившись от испуга, фашисты со всех сторон обрушились на советский танк. Один из гитлеровцев вплотную подобрался к советской машине и поджег ее. Фашисты торжествовали победу. Но бесстрашные танкисты и не собирались покидать свою боевую машину. Снова взревел мотор, и грозный КВ, давя гусеницами гитлеровцев, направился к близлежащему озеру. Словно прощальный салют, еще раз вспыхнул яркий огненный факел над башней, и ледяная вода приняла на вечный покой тех, кто предпочел смерть позорному плену. В результате многолетних упорных розысков было наконец установлено, что в состав этого героического экипажа входили: младший лейтенант П. И. Шеметов, техник-лейтенант П. Г. Ребринков, сержант А. Е. Касаткин, старшина С. А. Гудков и старший сержант М. Ф. Припяткин.

Большое место отведено в книге показу освободительной миссии Советских Вооруженных Сил. С гордостью вступал наш солдат на территорию других стран, находившихся под игом гитлеризма. Вступал как освободитель, друг и брат. Советские воины в полной мере сознавали свой патриотический и интернациональный долг, выполняли его с достоинством и честью. Так велела им партия, так воспитал их великий советский народ.

Говоря об источниках нашей Победы, В. С. Рябов доказательно разоблачает потуги различных фальсификаторов истории и называет истинные причины, которые помогли нам одержать верх над хваленой гитлеровской военной машиной. Мы победили потому, указывает прежде всего автор, что вели войну справедливую, защищали честь, свободу и независимость Родины. Мы победили потому, что советский общественный и государственный строй, основанный на прочном союзе рабочих и крестьян, на братской дружбе народов СССР, их морально-политическом единстве, доказал свое превосходство над отжившим свой век капиталистическим строем. К великой Победе в войне нас привела мудрая Коммунистическая партия, партия Ленина.

Во всех боях и сражениях, в обороне и в наступлении коммунисты были душой и сердцем частей и соединений армии и флота. Они потрясали всех силой и величием своего духа, неиссякаемой энергией и всепобеждающим советским патриотизмом. И чем сложнее складывалась на фронте обстановка, тем решительнее проявлялись эти качества. В самые тяжелые дни лета и осени 1942 года усилился поток заявлений от воинов о приеме в партию. Во втором полугодии армейские и флотские парторганизации приняли в свои ряды несколько сот тысяч воинов-фронтовиков.

Автор книги приводит красноречивые цифры: если в годы гражданской войны на каждые 100 бойцов Красной Армии приходилось 5 коммунистов, то в начале Великой Отечественной войны — 13, а в конце — 25 коммунистов. Кроме того, на каждую сотню воинов было еще 20 комсомольцев. Таким образом, почти половина личного состава наших Вооруженных Сил состояла из коммунистов и комсомольцев.

«Итоги Великой Отечественной войны Советского Союза,— отмечалось в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Октября,— убедительнейшим образом показали, что в мире нет таких сил, которые смогли бы сокрушить социализм, поставить на колени народ, верный идеям марксизма-ленинизма, преданный социалистической Родине, сплоченный вокруг ленинской партии. Эти итоги — грозное предостережение империалистическим агрессорам, суровый и незабываемый урок истории».

Семен БОРЗУНОВ

В. С. Рябов. Великий подвиг. Популярный очерк о Великой Отечественной войне. Воениздат. Москва, 1970.

О ПОДВИГЕ РАТНОМ

Талантливые произведения художественной литературы, повествующие о Великой Отечественной войне, воссоздают живое дыхание того времени, раскрывают величие советского народа и его победоносной армии. К таким произведениям можно причислить и недавно вышедший роман Якова Цветова «Птицы поют на рассвете».

Герои этой книги — десантники, разведчики, подпольщики — коммунисты и комсомольцы, поднявшиеся на ратное дело, верные идеалам советского патриотизма, пролетарского интернационализма.

Писатель изобразил суровую, полную лишений и опасности жизнь небольшого десантного отряда, выбросившегося на парашютах далеко за линией фронта. Здесь, словно бы оторванные от всего света, ведут войну герои романа — горстка советских бойцов. Они взрывают мосты, склады бомб, базы горючего, пускают под откос вражеские воинские эшелоны, нападают на эсэсовцев, на предателей.

Обыкновенное, собственно, дело на войне. Но в этом «обыкновенном» мы видим проявление высокой нравственной красоты: чувство долга перед Родиной поднимает советского человека на подвиг, и, презирая самую смерть, он совершает, казалось бы, невозможное. Со страниц романа встают перед нами сильные люди — мужественные, живые характеры.

Это прежде всего командир десантного отряда Кирилл, человек ленинской закалки, один из тех, кто сражался с врагами молодой Советской республики в пору гражданской войны. Раздумья Кирилла о солдатском долге, о партии и Родине, о назначении человека на земле, о жизни и смерти, о любви к женщине захватывают нас, и мы верим мечтам и мыслям героя. Верим потому, что размышления его подтверждены поступками, причем сила его духа особенно ярко раскрывается в решающие, самые опасные минуты на поле боя.

Раненный в тяжелой, неравной схватке, Кирилл лишается рук. Сильнее физических мук муки нравственные: он еще недовоевал, а теперь — «стреляная гильза» — что может он? Однако герой, израненный, искалеченный, крепко берет себя в руки. Воспитанный партией, он верит в коллектив, в поддержку своих боевых товарищей. И верно: они вовремя приходят ему на помощь, и он снова обретает веру в себя.

Образ Кирилла далеко не единственная удача писателя. Роман густо населен героями, и почти каждый из них — запоминающийся характер. Большое впечатление производит яркая фигура секретаря подпольного обкома партии Лещева: он умело направляет действия групп бойцов, воюющих в тылу противника, и партизанских отрядов, поднимает население на борьбу с врагом. Мастерски изображены характеры умного, волевого комиссара отряда Ивашкевича, недавнего студента лейтенанта Левенцова, молчаливого, целеустремленного десантника Михася, артиллериста Плещеева, мужественного донецкого шахтера Паши, колхозника-крепыша Толи Дуника, самого молодого в отряде.

Роман читается с неослабевающим интересом, и дело не только в динамических сценах, захватывающих своей напряженностью, драматичностью. Писатель проникает во внутренний мир героев, тонко передает их душевное состояние.

Нельзя не сказать и об очень емком, образном языке, которым написан роман. Изображает ли писатель природу, рисует ли портрет бойца, коммуниста-подпольщика, проникает ли в мир сложных человеческих переживаний,— он находит точные краски, свое писательское слово.

«Птицы поют на рассвете» — талантливое произведение о великой войне и нашей великой Победе.

Анатолий АЛЕКСИН

Яков Цветов. Птицы поют на рассвете. Роман. Издательство «Советская Россия». 1969.

ДОМ НА УЛИЦЕ СОСНОВОЙ

А. БОЧИНИН,
Н. ВЕРИНА

Эта машинка шьет, как настоящая.

Ах, как лихо скакали буденновские конники! У каждого шашка наголо, и каждый так ловко вращает ею, и у всех на буденовках — красные звезды. Да и пели всадники здорово — громко, отчетливо, согласно. Видно было, как им это приятно: скакать на резвых конях и петь хорошую песню. Зрители дружно выражали кавалеристам одобрение, и никто, кажется, не замечал, что конями всадникам служат стулья, а вместо роскошных галифе и сапог со шпорами у них коротенькие штанишки и тапочки-чешки... Потом буденновцы превратились в зрителей, и их место заняли юные музыканты, вооруженные металлофонами. Играли они истово, самозабвенно, пошмыгивая от усердия носами.

Происходило все это в детском

— Здравствуйте, я Петрушка!

Люба Татанова.

Кто победит!

— А теперь — ленту в косы. Тамара Федоровна Лобандеевская и Ира Бударина.

Так начинается утро на улице Сосновой.

саду московской фабрики «Ява», в зале для музыкальных занятий. Когда занятия старшей группы окончились, лихие буденновцы и юные музыканты повели нас показывать свое хозяйство. Показывали не без гордости. Старшая группа, как и любая другая в детском саду, занимает три комнаты. Две из них даже комнатами неудобно называть — огромные, будто залы. И только третье помещение — раздевалка — немного поменьше. Спальня здесь, как и всякая спальня — никелированные кроватки с белоснежным бельем и пушистыми одеялами. Рядом со спальней — умывальная. А вот и столовая — она же комната для игр. На огромных окнах — занавеси, ослепительно-золотые. В самый темный день кажется, будто здесь светит солнце. Удобная мебель, отделанная ярким пластиком. А игрушки! Какие тут игрушки! И сколько их! Кукол и мишек поселили в великолепных апартаментах, из пушистых симпатяг-зверюшек можно составить целый зоосад, из машин и тепловозов — автопарки и железнодорожные депо. Но особенно нравятся здешним хозяевам — малышам — живые зверюшки, которые тут обитают. В каждой группе живут рыбы в больших аквариумах. Есть в саду попугаи, хомяки, черепахи. А в подготовительной группе, той, где ребят уже готовят к школе, поселились канарейки. С самого утра и весь день поют кенари так заливисто, что во время занятий на клетку приходится накидывать платок...

— А скажите, ребята, вам хочется учиться в школе? — спросили мы.

— Ого, еще как! Мы уже, знаете, сколько знаем? Целое слово можем написать. — Девчушка с алыми бантами в косичках быстро вывела мелом на доске самое главное слово: «Мама»,— и считать умеем и рисовать...

Рисунки, лепку и аппликации ребят мы уже видели. Хорошие рисунки, веселые. Понравились нам корзинки и самолеты, которые смастерили старшие, чтобы подарить самым маленьким — из ясельных групп. И мы знаем, что рисунками и другими поделками своих малышей могут полюбоваться родители: летом во дворе, в уютных павильонах устраиваются выставки ребячьего творчества.

Да, кстати, о детсадовском дворе. Это, пожалуй, самое любимое место у детей. Летом вся ребячья жизнь там протекает. Но как же это? Разве детский сад не выезжает на дачу? Нет, незачем ему выезжать. Расположен сад на одной из окраинных улиц Москвы. И с транспортом работникам «Явы» удобно: неподалеку троллейбусная остановка.

В большом парке высятся сосны и нежные ситцевые березки — улица так и зовется: Сосновая. А на самой территории садика расположились карусели, грибки, качели и те красивые павильоны, в которых летом малыши занимаются и играют. Отличный двор — ничего не скажешь. Осенью малыши там даже полные лукошки грибов набирают...

Сто сорок детей живут здесь, в детском комбинате, с понедельника по субботу. Стал ли он для малышей вторым домом? Даже просто обуть, одеть, накормить малышей, присмотреть за ними и то весьма сложно, если малышей этих сто сорок. А сумели ли воспитатели сделаться самыми близкими для детей — после матери и отца — людьми? Маленькие, те, кому от года до семи, особенно нуждаются в настоящем человеческом тепле, внимании, ласке, идущей от самого сердца. И мы убедились: да, воспитатели здесь действительно близки детям. Причем, все воспитатели. Начиная от директора Клавдии Иосифовны Гришиной. Она знает своих питомцев не только по именам. Знает привычки, увлечения, особенности каждого из ста сорока. Шесть с половиной лет назад открылся детский комбинат на улице Сосновой. И не было за эти годы ни одного случая, чтобы ребенок среди недели вдруг запросился домой. Им здесь интересно и тепло, как дома, потому что тут умеют опекать ребят неназойливо, воспитывать ненавязчиво.

Ненавязчиво... А это так важно. Все получается очень органично именно потому, что даже мелкие, казалось бы, вопросы воспитания продуманы самым тщательным образом. Деликатно прививается ребятам вежливость, внимание к старшим и друг к другу, умение вести себя и дома и на улице. И вот уже детсадовские ребятишки с удивлением взирают на новичка, который неправильно держит ложку в руке, а потом вскакивает из-за стола и несется по коридору, расталкивая других. И какой-то карапуз обиженно спрашивает: «А почему ты не сказал нам «здравствуйте», когда пришел?»

Как много должен уметь воспитатель! Развивать у детей воображение и наблюдательность, прививать им любовь к природе, к музыке, к чтению, физкультуре... И с самых ранних пор исподволь тот же самый воспитатель начинает готовить детей к школе. Едва научившиеся говорить, ребятишки из ясельных групп, смешно посапывая, рассматривают яркие, забавные картинки и, как умеют, рассказывают о том, что на них изображено. Сначала это игрушки и давно знакомые ребенку обыденные предметы. Потом, постепенно, мир, над которым размышляет малыш, становится все обширнее. Вот ребята разглядывают картинку «Зимой в лесу» и открывают для себя множество незнакомых ранее вещей. Вот складывают пирамидку и учатся различать, что это такое — много и мало. Вот берут в руки два мяча — один умещается на ладошке, а другой едва обхватишь руками,— и малыши радуются: почему же это они сами не замечали до сих пор, какая разница между мячами, большим и маленьким. Вот воспитательница предлагает вниманию малышей новую увлекательную игру: что и как звучит. И ребята самозабвенно играют в нее дома и на прогулке. Оказывается, все в мире имеет свой собственный голос! Дерево скрипит, ветер шумит, молоток стучит, машина гудит и пыхтит, собака лает, кошка мяукает, птицы поют, да притом каждая на свой лад... Так, в игре малыши начинают познавать мир, учатся видеть, слышать и размышлять над тем, что увидели или услышали... Воспитательница читает своим питомцам рассказ «Первый день в детском саду». Потом малыши пересказывают его, старательно подбирая слова. И наставница внимательно следит за речью ребенка, проверяя, насколько расширился его лексикон, правильно ли он произносит отдельные звуки и целые слова. Нет ли у малыша дефектов речи, которые нужно исправлять? Верно ли делает он ударения в словах?..

Обучение в детском саду на Сосновой улице ведется по программе, общей для всех детских дошкольных учреждений страны. А вот методические разработки программы — это уж творчество самих сотрудников того или иного детсада. И разработки, сделанные в детском комбинате на Сосновой, так удачны сами по себе да и осуществляются настолько точно и полно, что учителя первых классов, к которым попадают здешние питомцы, с удовлетворением отмечают:

— Побольше бы нам таких учеников, очень развитые и организованные дети.

Директор детского комбината Клавдия Иосифовна Гришина во всех подробностях поведала нам о заботах и радостях, которые несет с собой нелегкая работа дошкольного воспитателя, а под конец сказала:

— У нас довольно быстро сложился хороший коллектив. Главное, что все воспитатели по-настоящему любят детей и могут к каждому найти подход. Ведь малыши всегда чувствуют, как к ним относятся: по обязанности с ними занимаются или от души. И если только по обязанности, то ребенку просто скучно и тягостно с таким человеком, и никогда он не станет для малыша близким...

Воспитательницы в этом детском саду, конечно, разные. Разные в смысле опыта, стажа работы. У Лидии Владимировны Долговой и Тамары Федоровны Лобандеевской — обе они работают в саду со дня его основания — именно здесь началась педагогическая деятельность. А Елена Львовна Жданова уже более тридцати лет трудится на педагогическом поприще, всю свою жизнь отдала малышам. Но старого, опытного воспитателя роднит с молодыми, неопытными одно свойство — весь жар души своей дарят они детям, считая их не чужими, своими. И болеют болью ребят и радуются их радостью. Таковы здесь все воспитатели. Вот потому так тепло, уютно и весело детям в их большом доме на тихой Сосновой улице.

СОЛНЕЧНАЯ ЧАША ГАФУРА-АКИ

Гафур Гулям — народный поэт Узбекистана, «наш Гафур-ака», как звали его бесчисленные друзья и поклонники его мудрого таланта. Когда он встречал гостей у ворот своего дома, в саду, возделанном его руками, с доброй улыбкой хранителя всей мудрости древних книг, с неистощимым озорством дервиша, убежденного, что его трость — «двоюродная сестра посоху пророка Магомета», ощущение беспредельной близости к древней земле Узбекистана, к его цветущим садам и тутовым рощам, к творящей силе рук его трудолюбивого народа овладевало всеми. Да, и тяжкий кетмень садовода и хлопкороба былых времен и перо поэта равно крепко держала рука Гафура... И когда он приглашал гостей к дастархану, казалось, что все окружавшее хозяина — и золотистые плоды в чашах, и виноградные лозы, ловившие и рассеивавшие солнечные лучи, и вишни, опиравшиеся на дувал,— это сам Гафур, его корни и ветви. Все, чем богата земля, что славит душу и труд человека, сверкало на высоко поднятой чаше.

Редкий поэт с бóльшим правом, чем Гафур Гулям, выросший в бедняцкой семье, испытавший на себе все превратности судьбы в трудные годы и все счастье революционного обновления жизни, мог писать о себе: «Одною дорогой с народом я шел и правду великую встретил!» И может быть, эта встреча с правдой Ленина и рождала в Гафуре, комсомольце 20-х годов, организаторе детского дома, в Гафуре-аке, народном поэте последних десятилетий, постоянное чувство изумления перед взлетом исторического творчества масс, перед новым и не испытанным ранее чувством великого братства народов и людей.

Поэзия Гафура — цветущая ветвь узбекских садов. И как об одном из героев поэмы «Семь планет» великого Навои, о нем можно сказать:

Была лицом его озарена
Веселая, зеленая страна.
Зеленый цвет нам всех
цветов милей:
Он — цвет весны, садов,
лугов, полей.

Поэзия Гафура Гуляма — это и жаркий полдень, овеянный дымкой, и нежная узбекская весна, когда цветет урюк, и прохлада Аму-Дарьи, оживляющая пески Каракумов. В то же время в его поэзии зазвучали и первые гудки Турксиба, и карающие шаги солдат Отечественной войны, и первые звуки из космоса, окрыляющие сердце неведомыми прежде ожиданиями... В поэмах «Узбекнаме», «На путях Турксиба», «Юлдаш», в прекрасных стихах «Полюбуйся на узбекские крыши», «Гончар и ювелир», «Не соблюдайте уразы», «Осенние заботы садовода» и других поэт становится летописцем дел великой ленинской эпохи, певцом обновления родной земли, нерасторжимого братства народов.

Под пером Гафура Гуляма, страстного патриота советской земли, ощущавшего пристальное внимание к своей родине, к Средней Азии всех народов Востока, его родная узбекская земля предстала светочем новой жизни.

И к излюбленному еще Навои зеленому цвету родная земля в поэзии Гафура словно прибавила новые тона, в самой душе народной зазвучали новые мелодии. Для пробудившейся Азии Узбекистан, и прежде всего родина поэта — Ташкент, стали символом будущего, духовным пристанищем лучших надежд, заветных мечтаний:

Ташкент — алмаз бесценный
в перстне мира;
Здесь кровлю угнетенные
найдут.
Здесь люди Азии, чье сердце
сиро,
Свой свет, свою надежду
обретут.
Тоскует солнце над землею
чуждой
И отдыхает сердцем, медля
здесь,
И забывает горести и нужды,
Расцвет наш видя —
о грядущем весть.

Эта неистощимая полнота любви к родной земле, древней, овеянной легендами далеких веков, и юной, как девушка с шелкоткацкой фабрики Ферганы — современная Ширин, пробуждает в поэте глубокие раздумья о вечном долге перед историей, человечеством, о призвании человека. Нет, молодость вовсе не «выстреленная стрела», и караваны не уходят безвозвратно... Гафур Гулям как поэт новой эпохи, переводчик на узбекский язык классиков русской и мировой литературы и первый переводчик особенно близкого ему В. Маяковского, внес новые черты в традиционные мотивы философской лирики. Исторический оптимизм, вера в преобразующую мощь труда и братства, в неизменное победное восхождение народа к лучшему, передовому — таковы итоги, выводы поэзии Гуляма.

Как солнечная чаша, как драгоценный свиток немеркнущих, сверкающих всеми цветами жизни образов, поднята над временем поэзия Гафура Гуляма. Наша эпоха, эпоха подъема единой интернациональной культуры, расцвета лучших народных традиций, родная земля выдвинули, щедро одарили мудрым и вещим талантом и прозорливой широтой взгляда этого замечательного поэта. Его поэзия стала ярким лучом света для народов Востока, для всех советских людей. Она стала образцом гражданства и мужества, интернационализма и верности своему народу.

В. ЧАЛМАЕВ

ВЗЫВАЯ К ЖАЛОСТИ...

Н. ИГНАТОВА

Репертуар театров к ленинским дням заметно обогатился. Шире пошли по стране такие глубокие по мысли произведения, как «Человек и глобус» В. Лаврентьева, «Мое сердце с тобой» Ю. Чепурина. Едва родилась, как сразу же и получила распространение пьеса о наших днях «Память сердца» А. Корнейчука.

Большинство театров стремится к «крупномасштабному» разговору о современности, показу героических характеров советских людей, их созидательного труда, их духовной, нравственной, социальной силы.

Однако эта устремленность театров находит отклик не у всех драматургов.

Известно, что иные прозаики, подменяя героя «антигероем», увлекаются жалостливым изображением «маленького человека». Да и некоторые драматурги тоже приносят дань этой моде... В таких случаях кажется, что авторы дали себе «зарок» не говорить о людях, одержимых страстью к труду, воюющих с тем, что мешает обществу двигаться вперед, получающих в этой борьбе общественную поддержку, которая рождает в них новый заряд энергии, укрепляет веру в будущее.

Вместо таких героев на сцену выводятся люди ущербные, ущемленные жизнью,—жертвы неблагоприятных обстоятельств.

В статье А. Метченко на страницах «Правды» справедливо говорилось, что «герой, взывающий к состраданию и выдвигаемый ими на первый план, не дает оснований для национальной гордости. Увлечение писателя такого рода героем, какими бы внешними признаками «человека из народа» он его ни наделял, в наше время свидетельствует об отступлении с позиций народности, так как создает ложное представление о людях, строящих коммунизм».

Упрек этот можно отнести к пьесам, о которых пойдет здесь речь: «Моя окраина» Л. Сухаревской, «С вечера до полудня» В. Розова, «Пока он не выстрелил» Р. Романова... Эти пьесы поставлены в трех московских театрах: имени М. Н. Ермоловой, «Современнике» и имени А. С. Пушкина.

...Старенький двухэтажный домик где-то на окраине Москвы; вот-вот его снесут, и хозяева, как и соседи, переедут в новый многоэтажный корпус. А пока жизнь пожилой рабочей четы Михаила и Евдокии Чугреевых течет как обычно: в воскресный день хлопочут по хозяйству, принимают гостей, между делом рассуждая о жизни, вспоминая свое военное прошлое. Оба — бывшие фронтовики. Муж и жена сочувствуют Анне, сестре Михаила... Советуются, спорят... Никаких исключительных событий — жизнь простых людей остается в простейшем житейском русле. Развлекается компания молодежи — это друзья сына и дочери Чугреевых. Звучит гитара. Поют песни, читают стихи, говорят о любви... Вот разве что пьяный сосед Пашка начнет буянить: прибежит его жена, спасаясь от побоев, парни отправятся его усмирять. Но вскоре и притихший Пашка явится сюда, к молодежи, вместе с женой теперь уже его защитницей, попытается прочитать стихи, да плоха память у шофера-работяги...

Встречается в этом доме и вся семья Веселовых. Встречается, видно, чтобы окончательно разойтись. Иван Парфенович Веселов, этакий «человек при портфеле», наверное, незаурядный руководитель, если вызвали его из другого города на работу в Москву. Был на фронте командиром; под его началом служил первый муж Анны — Николай. Но недавно вдруг обнаружилось, что на фронте Иван Веселов совершил подлость, почти убийство: Николай-то погиб из-за него... Теперь семья Веселова— жена, дочь и сын — предъявляет ему поздний счет: Анна — за ложь и подлость; Галина — за «диктаторство», за то, что пытался разбить ее счастье; Валерий — за то, что они с отцом по-разному понимают «хорошее и плохое, разумное и бессмысленное». Галина говорит отцу: «Ты каждому из нас нанес... в разное время... какой-то почти незабываемый вред... Боль. След. Несправедливость...»

Вот, оказывается, каков этот Иван Парфенович — человек, не привыкший считаться с чужим мнением... Поэтому-то и перестала ему верить родная дочь. А он сидит и слушает ее упреки так ошеломленно, так беззащитно, что, право, начинаешь думать, что обвинения относятся к кому-то другому, а не к этому незлобивому, посредственному человечку... Но, может быть, принципы, за которые он, по словам дочери, стоит горой, таковы, что с ними действительно нужно считаться?.. Все это остается и в пьесе и в спектакле не выясненным до конца.

По-прежнему течет на сцене жизнь — неяркая, негромкая.

Все как будто в игре актеров жизненно... Оформлена эта жизнь в веселеньких тонах, заключена в легкий, почти юмористический каркасик домика. И остроты есть забавные и многие житейские черточки подмечены довольно тонко. И взаимоотношения поколений решаются как будто не банально, не в лоб... Но странное дело: уходишь со спектакля с ощущением не то чтобы зря потерянного времени, а будто провел это время в обществе людей ограниченных, ущербных, сдавленных обстоятельствами, которые сложились не слишком-то благоприятно для **всех без исключения** действующих лиц.

Вот Михаил Чугреев, потерявший слух в результате контузии. Тихий человек, немножко чудаковатый и безобидный у актера В. Лекарева. Сосредоточенно чинит чужую обувь, добывая на «четвертинку». Таким он и останется в памяти. А рядом суетится будто веселая, быстрая на суждения, но тоже чем-то жалкая Евдокия — Э. Кириллова — детям не нужны ни ее суждения, ни советы. Дети заметно стесняются своей неученой, отсталой матери. Вспоминая о фронтовой жизни, Евдокия — Э. Кириллова оживляется, будто сбрасывает с себя груз мелкой обыденности. Чувствуешь: там, в прошлом, осталось все лучшее, а сейчас погрязла она в домашних заботах. Так погрязла, что и в партии состоит лишь формально. «Какая уж я партийная,— говорит Евдокия,—...партийный не может такой чушкой жить. Ему учиться надо. А я с работы в магазин, да в другой, да везде постой, очереди везде...» И когда выйдут Евдокия и Михаил в стареньких узких шинельках, чтобы показаться детям и всей молодежной компании — напомнить о минувшей войне, — все над ними смеются, как над чудаками. И тут уж просто до слез становится их жалко...

И Анну не назовешь счастливой. Хотя талантливая актриса Киселева показывает Анну энергичной, веселой,—женщину эту тоже жаль. Потому что понимаешь: не задалась жизнь и у этого человека, а достойна Анна куда лучшей участи!.. Трудно и детям ее, Галине и Валерию. Особенно Галине, в которой рядом с волей, умом уживаются озлобленность и эгоизм.

Не из удачливых Анатолий и Нонна, дети Чугреевых. Анатолия «зажимают» в институте, не дают заниматься тем, к чему лежит душа. А Нонне объявили в музыкальном училище, что способности у нее «средние». Жить с таким ярлычком, конечно, невесело.

Сосед Чугреевых, Пашка, страдающий запоем, и жена его, привыкшая к побоям,— люди, мягко говоря, недалекие,— и удачниками их тоже не назовешь... Обманувшаяся в любимом девушка, «рассуждающая о любви»,— так она названа в программке; обманутый муж Василий, с грудным ребенком на руках; молодая женщина, любящая Анатолия и украдкой прибежавшая взглянуть на него, но привязанная к мужу денежной цепью,— в этой компании, пожалуй, не найдешь ни одного счастливого человека...

В молодом поколении Л. Сухаревская уловила одну черту, которая тронула и заинтересовала ее,— это стремление преодолеть силу привычки, изжить приспособленчество. Но какими же незащищенными, одинокими выглядят сами-то «борцы» с обыденщиной и пошлостью, окруженные общим непониманием и даже неприязнью! В пьесе нет и намека на то, что благородные стремления и порывы юности могут найти опору, общественный отклик в окружающей жизни. В пьесе и на сцене перед нами однотонный и замкнутый мирок, далекая окраина...

Кстати, пьесу «Моя окраина» иной раз причисляют к разряду «произведений о рабочем классе». Но вряд ли можно в пьесе найти для этого веские основания!

* * *

В круг семьи, тоже несчастливой, тоже неблагополучной, вводит нас и драматург В. Розов. Пьеса «С вечера до полудня» знакомит с драматической судьбой писателя-«выдвиженца», который волею некоего литературного «мэтра» был выхвачен из родной производственной стихии и пересажен на чужую для него литературную почву.

Лишенный истинного таланта, но в свое время избалованный славой и деньгами, Андрей Трофимович Жарков на наших глазах переживает позднее прозрение. Мужественно порывает он с делом, которому зря отдал десятки лет жизни.

Замечу, что уже самая ситуация, на мой взгляд, не выдерживает испытания строгой логикой. Человек с **таким** характером, как у Жаркова, с такой отменной честностью и нетерпимостью к любой лжи, с крайне придирчивым отношением к самому себе и окружающим, не мог бы не распознать горькой для себя истины сразу же, после первых же «успехов»... Не мог он не разорвать паутину лживых похвал и не уйти тогда же от чуждого ему дела...

Ким, сын Жаркова,— спортсмен-неудачник. Не став чемпионом, он так и не изжил обиды на судьбу. Сейчас он тренер. Радуется успехам учеников, горечь собственного поражения, кажется, никогда его не покинет. Тем более что на беговой дорожке к личному счастью он тоже не вышел в призеры: жена Кима ушла к другому, а он и сейчас, спустя семь лет, все еще мучается любовью к ней. Боится, что ей удастся сманить к себе их сына, Альберта, живущего с отцом.

Нина, дочь Андрея Жаркова, тоже глубоко несчастный человек. Девять лет назад она осталась одна, без надежды на любовь. Нелегко и шестнадцатилетнему Альберту. В семье, где атмосфера накалена до предела, Альберт — «главная игрушка» и в то же время главный «домовод»: ему приходится выполнять очень много обязанностей, быть подчас самым взрослым и мудрым... Особенно тяжело ему принять решение — уехать с матерью, покинуть отца.

Как во всех пьесах В. Розова, здесь остроумен диалог, активно развивается действие, есть живые, хотя и не очень крупные, характеры. Все это, естественно, привлекает театры... Тем более что при желании сверхзадачу пьесы можно истолковать как стремление разоблачить потребительское отношение к жизни со стороны людей-«всадников», которые, говорится в пьесе, «поймав лошадку, скачут во весь свой собственный карьер... и не видят, куда их лошади ставят копыта».

Да, кажется, что пьеса ратует за благородные начала в человеческой натуре. За честность и прямоту, бескорыстное отношение к жизни и к людям. Но расстановка сил в пьесе такова, что вольно или невольно она внушает мысль: порядочность сегодня — свойство неудачника. Честность и бескорыстие неизбежно оставляют человека в дураках. Нужно научиться пробивать себе дорогу кулаками!.. Честный и совестливый неудачник, Ким Жарков не находит слов, чтобы возразить своей бывшей жене, энергичной «всаднице» Алле, когда та говорит ему: «У порядочных людей тоже должны быть мускулы, Ким, и желательно крепкие...»

Вот оно как! Значит, око за око. Значит, будь одновременно и порядочным и «пробивным»... Похоже, что неудачник Ким для того и отпускает к матери своего Альберта, свою единственную радость, чтобы стал он «пробивным» в Англии, куда его возьмет мать.

Она поможет юноше «протолкнуться» на передний край жизни, лишь бы парень не пополнил собою ряды неудачников... Так что прав оказывается и Лева Груздев, молодой ученый-делец, «всадник». Хоть через трупы переступай, считает он, но подчиняйся «рефлексу большой цели», ибо это закон «реальной жизни»...

Герои пьесы «С вечера до полудня» как бы изолированы от жизни, замкнуты в тесной квартирной клетке. Сюда не проникает извне ни один звук, кроме криков пленных животных и птиц из зоопарка, находящегося рядом. И эта звуковая деталь неожиданно приобретает на фоне всего происходящего в пьесе некий символический зловещий оттенок.

Спектакль «Современника» светлее и мягче пьесы. Талант постановщика О. Ефремова помог избежать надрыва, а его актерский талант позволил увести Андрея Жаркова от злобности к чудаковатости. Хотя при этом, на мой взгляд, в образе появилась и некоторая облегченность.

Многое «досказали» о своих героях И. Кваша, А. Покровская, О. Табаков; органично дополняют этот ансамбль и другие актеры.

Но мысль о несчастливой участи порядочных людей, о жизненном успехе приспособленцев так же присуща спектаклю, как и пьесе. Она так же остается в нем главной...

* * *

Обратимся, наконец, к третьей пьесе: «Пока он не выстрелил».

Драматург Р. Романов заинтересовался внутренним миром людей интеллектуального труда. В частности, психологией молодого «технократа» — так, пожалуй, можно назвать главного героя пьесы — Олега Дорошина.

Человек выдающегося таланта и высочайшей, страстной одержимости творчеством, он живет и дышит своим трудом, будущим крылатых машин, самолетов, конструкции которых — одна фантастичнее другой — роятся у него в голове. Все в жизни он подчиняет этому главному делу и достигает цели. Ему во всем сопутствует успех.

Тут читатель вправе заподозрить меня в противоречивости суждений. Ведь речь шла о пьесах, где героями стали люди «маленькие», ущемленные судьбой, или те, кто подавал надежду, но вышел в неудачники... А здесь в центре пьесы человек выдающихся способностей, яркая личность, характер прямой и твердый. Все ему удается, во всем «везет»... Казалось бы, он и есть истинный герой, живущий для великой цели, пример для подражания, образец воли и смелости. Замечательный современный молодой человек!

Но не тут-то было. Оказывается, что при всех этих качествах характер героя имеет обратную сторону. Именно эта сторона прежде всего и интересует автора пьесы. Таланту Дорошина свойственна бесчеловечность. Как бы во имя высоких целей, а на самом деле только лишь ради собственного успеха и благополучия Олег Дорошин — его играет артист А. Локтев — попирает законы дружбы и любви, понятия чести, благородства, человечности.

Правда, Олег отважился **пока** только выгнать с работы товарища и друга своего, способного инженера Женю Травкина. Но как по-хамски ведет он себя со своим начальником и учителем, другом семьи Серокезовым, как пренебрежительно обращается со всеми вообще окружающими людьми, старается присвоить себе всю проведенную группой работу... В сознании своего друга Эдуарда Борисова, в его мгновенно мелькнувшей фантазии Олег Дорошин вполне «созрел» уже и для преступления. Собственно, действие пьесы и есть материализованная фантазия Эдуарда, который изредка комментирует все то, что происходит на сцене.

Процесс нравственного, человеческого падения таланта, «прорыв» таланта к власти и отрыв его от людей. Наконец, одиночество как самое тяжелое наказание за гордость и бесчеловечность — вот действенная основа пьесы Р. Романова. В целом же она звучит как предостережение людям: берегитесь, не давайте потачки человеку, как бы ни был он талантлив, если заметите в нем черты эгоцентризма. Вовремя обуздать его — значит предотвратить преступление.

Можно спорить о том, насколько реальна в нашей жизни угроза «технократизма» — явления, присущего современному капиталистическому обществу. Карьеризм, культ личного успеха, технократические концепции управления обществом и государством получили действительно широкое распространение среди буржуазной научно-технической интеллигенции. Но, может быть, автору пьесы и в нашей среде пришлось столкнуться с индивидуумом, подобным Олегу Дорошину?..

Можно не прийти в восторг от драматургической формы, в которую облечена проблема, от нарочитой усложненности этой формы, от схематичности характеров и внутреннего действия. Можно, наконец, упрекнуть режиссера В. Успенского в излишней эффектности некоторых сценических решений... Но, может быть, проблемой все же стоит заняться?.. Тогда стоит особое внимание обратить и на другое.

Кто же **противостоит** Олегу Дорошину в этой пьесе? Да он и не имеет достойных противников? Вокруг него люди, вообще не отмеченные сколько-нибудь яркой индивидуальностью. Эдуард Борисов — «молчальник», «серая лошадка», тихий интеллигент без особых дарований. Женя Травкин — любитель спиртного, безнадежно влюбленный в журналистку Люду. О Зинаиде Васильевне и Люде Портновой, несмотря на выразительную игру актрис Л. Скопиной и Н. Марушиной, мы узнаем только то, что обе они — натуры преданные, любящие. Сердца обеих женщин — матери и подруги — принадлежат Олегу безраздельно.

Еще меньше замечаешь Афанасия Николаевича Серокезова: он безлик, и разве что жалость может вызвать он (как, впрочем, и Травкин и Борисов), выгнанный и униженный неблагодарным учеником.

Что же касается Светланы и Карпова — лжевозлюбленной и лжедруга Олега Дорошина,— то они в исполнении Е. Сивко и Ф. Мокеева приобрели дополнительную яркость и выразительность, но это не пошло на пользу спектаклю.

Известно, что самые бледные отрицательные персонажи нередко оказываются в театре ярче самых «утепленных» положительных...

И все-таки чем же родственна эта пьеса тем двум, о которых шла речь выше? Да, вероятно, тем, что и в ней коллективистская, гуманистическая основа нашего общества, нашего образа жизни тоже предана забвению, сведена на нет.

Олег Дорошин — пусть лишь в воображении Эдуарда — ведет себя как распоясавшийся барин, как единовластный хозяин. Став начальником, он выгоняет с работы не только друга, но и руководителя работ, а бездарного подхалима Карпова осыпает благами. Более того, он в конце концов совершает преступление, а вину за это преступление берет на себя Травкин...

Короче говоря, все происходит так, как может происходить лишь там, где личность человека, по существу, не защищена от произвола ни государством, ни всеми его общественными установлениями.

Мне скажут: все происшедшее — лишь «промелькнуло» в мыслях, в фантазии Эдуарда. Но кто же он, Эдуард, в данном случае, как не рупор самого автора?!

* * *

...Не уподобляемся ли мы некоторым малопочтенным критикам прошлых времен, упрекавшим в свое время Ф. М. Достоевского за изображение «болезненных» явлений жизни, которые стоят на черте, отделяющей действительность от мира призраков?

Нет, наверное, здесь критикуются пьесы не за то, что в них показаны недостатки жизни. Просто художникам необходимо напомнить, что их долг — воспитывать в людях веру **в победу** истинно человеческих начал. А вера эта рождается не только на основе идей, но и на основе жизненного социального опыта, всех форм советского человеческого общежития. Этот опыт и должна вбирать в себя пьеса о современности, иначе ее не назовешь правдивой. В пьесах же, о которых идет речь, важнейшая сторона нашей жизни, ее фундамент — социалистический гуманизм и коллективизм — не находят отражения. Борьбу со злом здесь ведут одиночки, не ощущающие поддержки общества и не получающие ее. Поэтому они и вызывают жалость — люди одинокие, ущемленные, терпящие неудачу; поэтому и выглядят они такими приземленными, приниженными, лишенными веры и окрыляющей идеи.

Но если бы дело касалось только этих трех пьес, может быть, и не стоило бы вести о них такой подробный разговор.

Но за ними стоит явление.

Есть ведь и еще ряд произведений драматургии, где в центре — тоже фигура «маленького человека», вызывающего жалость к себе, а уж никак не гордость и восхищение.

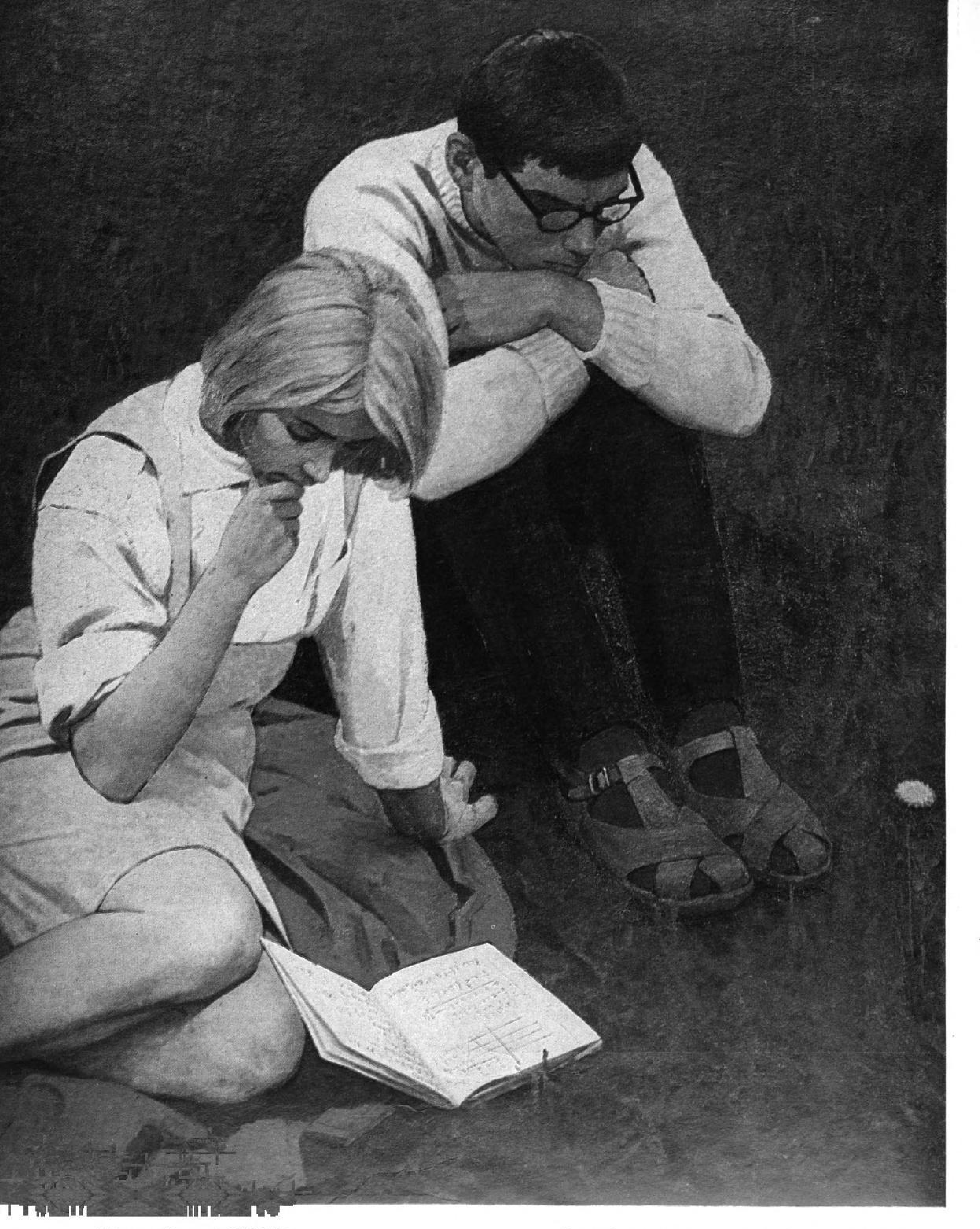
И раз явление наметилось, говорить о нем нужно.

Явление это малоплодотворно. Свидетельствуя об отступлении с позиций народности, оно мешает театру выполнять одну из главных его задач — воспитывать в людях стойкость и мужество, помогать радостно и уверенно строить новую жизнь.

Е. Табаков (Ленинград). БЕРЕГИТЕ МИР!

IV республиканская художественная выставка «Советская Россия».

М. Лихачев (Воронеж). СТУДЕНТЫ.

IV республиканская художественная выставка «Советская Россия».

МАРШРУТ ДРУЖБЫ

Фото Б. Кузьмина.
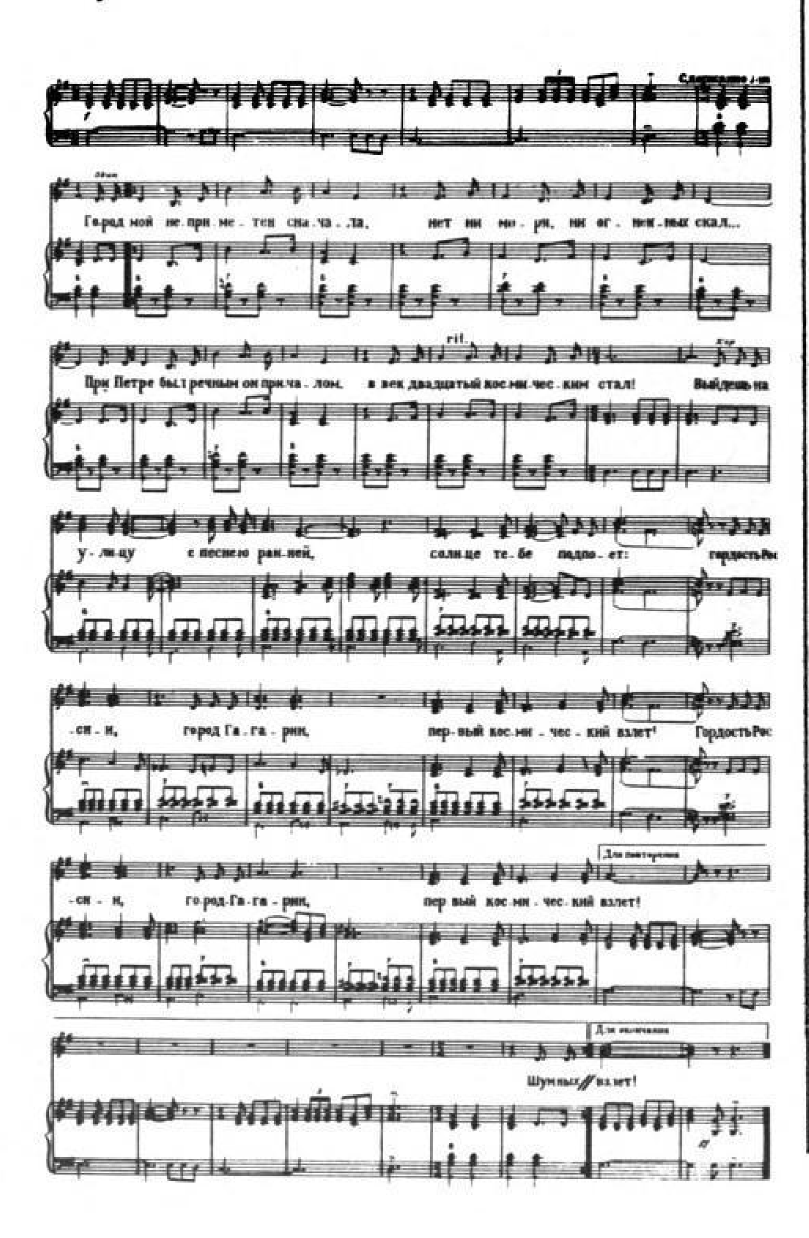
«Маршрут дружбы» — так назвали свой фестиваль, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, работники литературы и искусства Смоленска, Калинина и Брянска...

Сегодня в гостях у журнала «Огонек» участники «Маршрута дружбы» смоляне: поэт Владимир Простаков, композитор Владимир Донченков и выпускники Смоленского культпросветучилища Анна Зуева и Валентина Николаенкова. Они привезли нам новую песню о городе Гагарине (Гжатске), которому исполнилось 250 лет.

В числе первых почитателей этой песни семья Ю. А. Гагарина. Вот письмо, которое они прислали в редакцию:

«Нам очень понравилась песня «Город Гагарин», написанная земляками Юрия Алексеевича, смолянами поэтом Владимиром Простаковым и композитором Владимиром Донченковым. Просим редакцию журнала «Огонек» опубликовать ее.

С уважением А. Т. Гагарина, А. И. Гагарин».

Слова Владимира Простакова.

Музыка Владимира Донченкова.

Город мой неприметен сначала,
Нет ни моря, ни огненных скал...
При Петре был речным он причалом,
В век двадцатый — космическим стал!

ПРИПЕВ:

Выйдешь на улицу
С песнею ранней,
Солнце тебе подпоет:
Гордость России,
Город Гагарин —
Первый космический взлет! } 2 раза

Шумных улиц здесь нет и в помине,
В каждом доме Россия живет
И улыбку бессмертного сына
Над землею, как правду, несет!

ПРИПЕВ.

Город мой неприметен сначала,
Нет ни моря, ни огненных скал...
Но в судьбе своих тихих причалов
Он всемирную славу сыскал!

ПРИПЕВ:

Выйдешь на улицу
С песнею ранней,
Солнце тебе подпоет:
Гордость России,
Юрий Гагарин —
Первый космический взлет! } 2 раза

РАУЛЬ КАСТРО В «ОГОНЬКЕ»

Министр Революционных вооруженных сил Республики Куба майор Рауль Кастро Рус, находящийся с официальным дружественным визитом в Советском Союзе, посетил редакцию нашего журнала. Его сопровождали посол Республики Куба в Советском Союзе Рауль Гарсия Пелаес и другие официальные лица.

Члены редколлегии рассказали гостям о журнале, о подготовке специального номера «Огонька», посвященного братской социалистической Кубе.

Во время дружеской беседы товарищ Рауль Кастро Рус поблагодарил за теплый прием и попросил передать через журнал «Огонек» самые горячие поздравления советским людям по случаю знаменательного события в жизни всего прогрессивного человечества — 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Он также выразил благодарность советскому народу за его братскую помощь революционной Кубе.

На снимке: товарищи Рауль Кастро Рус и Рауль Гарсия Пелаес в редакции «Огонька».

Человек и машина. Сотрудничество под знаком интеграла.

Фото А. Награльяна.

Академик
Н. ФЕДОРЕНКО

* Кибернетика и молоко * Беспристрастная математика * Возраст мечты * Могут ли существовать модели поступков! * Новая индустрия создается сегодня * Воля человека и холодный расчет машины * Нужен новый институт *

ПОД ЗНАКОМ ИНТЕГРАЛА

Академик Н. Федоренко. Он возглавляет Центральный экономико-математический институт АН СССР, ученые которого участвуют в решении многих важнейших проблем развития экономики в нашей стране, внедрения науки в народное хозяйство и совершенствования управления, поставленных декабрьским Пленумом ЦК КПСС.

Наша беседа с академиком Н. П. Федоренко началась с вопроса о том, **когда был создан институт и какое место занял он сейчас среди других научных учреждений экономического профиля.**

— Возник наш институт пять лет назад. К тому времени кибернетика достигла больших успехов, но экономика в силу ее сложности оказалась для кибернетики крепким орешком. Молодой науке потребовалось немалое время на раздумье и большие силы, чтобы раскусить своенравный характер экономики.

Требовалось время, чтобы накопить силы и нашему институту. Поэтому он не сразу нашел свое место в жизни, не сразу определилась сфера его влияния. Но постепенно завязались прочные контакты с учеными других научных учреждений, были созданы филиалы института в Ленинграде и Таллине, началась совместная творческая работа со специалистами ряда министерств, Госплана СССР, Госу-

дарственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению.

Институт наш молод. Молоды и его специалисты. Средний возраст — 30—32 года. Одни пришли сюда прямо со студенческой скамьи, другие — едва успев закончить аспирантуру. Руководят институтом также молодые. Заместителям директора Ю. Олейнику, С. Шаталину, А. Модину, Н. Петракову, ученому секретарю Н. Махрову нет и сорока. А позади у них — диссертации, десятки научных работ. Сколько смелых идей, проектов было выдвинуто ими и их коллегами — такими же молодыми математиками, экономистами, социологами! Ведь зрелость в науке приходит отнюдь не с годами, она в ежедневном труде, поиске, смелых мечтах.

Вот четыре «кита», на которых держится институт. Мы занимаемся разработкой проблем оптимального планирования и управления в целом по стране. Прогнозированием развития народного хозяйства и отраслевого производства. Построением автоматизированных систем управления — транспортом, промышленностью, торговлей и многими другими отраслями. И, наконец, разработкой математических методов и алгоритмических языков для электронно-вычислительных машин. Сейчас институт находится на передовом рубеже экономической науки.

— Где этот рубеж пролегает?

— На стыке экономики и математики. Дело в том, что математика — наука не только точная, но и беспристрастная ко всему окружающему. Ее дело — снять точную копию с того или иного явления, выразить его в виде формул, систем уравнений. Но можно ли экономические, социальные, психологические явления перекладывать на язык математики?

Есть, к сожалению, и сейчас экономисты-практики, скептически относящиеся к математическим методам. В качестве основного аргумента против их применения в планировании они как раз и приводят довод, будто бы из-за сложности экономических процессов их нельзя описать математическим языком даже с помощью электронно-вычислительных машин. Подобные аргументы, как показала жизнь, несостоятельны.

Экономисты, подобно конструкторам, научились создавать модели объектов своего творчества. Однако модели эти необычные. Не миниатюрные станки или автомобили, глядя на которые можно прикинуть, как лучше сделать ту или иную деталь. Экономико-математические модели — мир знаков, формул. И только специалист, как в зеркале, видит в них все перипетии, скажем, заводской жизни: успехи и промахи в производстве, поступки людей, решения. Картина, полная красок. Любой художник позавидует ее палитре.

Так математика помогает экономике. Поэтому мы и считаем, что рубеж, который заняли ученые института, находится именно на стыке двух наук: мягкой, податливой воле человека экономики и черствой, беспристрастной к его желаниям математики.

Сейчас группа ученых создает автоматизированную систему управления для московского завода «Красный пролетарий». Она уже обретает реальную форму, на заводе создан вычислительный центр. Он станет основным, главным звеном системы: электронно-вычислительная техника возьмет на себя бремя оперативного планирования. Отсюда в цехи будут поступать научно обоснованные команды о загрузке оборудования, обеспечении участков металлом. Техника сможет вести учет выработки рабочих, заработной платы, решать и многие другие вопросы, связанные с планированием и управлением этого крупного станкостроительного завода.

Автоматизированные системы управления мы разрабатываем для многих заводов нефтехимической, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности и других отраслей. Но, пожалуй, наиболее интересным объектом являются предприятия московского объединения «Молоко».

— Кибернетика и молоко! Необычное сочетание...

— Да, честно говоря, мы на первых порах и сами не ожидали, насколько трудная, необычная задача стоит перед нами. Мы столкнулись с весьма капризным характером не только производства на предприятиях молочной промышленности, но главным образом самой продукции, которую они выпускают. Она скоропортящаяся. Следовательно, простаивать ни на заводах, ни в магазинах не имеет права. А тут еще спрос населения, он ведь величина непостоянная, колеблется от многих причин. К примеру, при массовом завозе фруктов падает спрос на молоко. Ниточка тянется дальше: торговые организации не знают загодя, на какой период времени и сколько им потребуется кефира или простокваши, творога или сметаны. Поэтому они живут сегодняшним днем. Но такой образ жизни не устраивает производство, ему нужна перспектива, четкие, определенные задания. Таких заданий оно от торговой сети не получает, ее заказы колеблются, притом поступают только на завтрашний день. И тут опять сказывается стихийный фактор: возникают перебои не только в работе молочных комбинатов и магазинов, но и транспортных организаций.

Вы представляете, сколько задач пришлось решить для разработки грамотного, научно обоснованного планирования на предприятиях объединения «Молоко»? Проблема переросла рамки классической схемы автоматизированной системы управления. Она включила в себя все звенья производства, и транспорта, и торговли. Ведь объединение «Молоко» обслуживают за день свыше 700 грузовых автомашин, оно реализует свою продукцию в 3 200 торговых точках Москвы.

Была изучена бюджетная статистика жителей Москвы, отчетные данные о реализации молочной продукции, проведены многие виды социологических исследований. Затем, пользуясь экономико-математическими методами, разработали модель покупательского спроса. В объединении создан вычислительный центр. Он уже приступил к решению сложных плановых задач: развозке в торговую сеть продукции по часовому графику, составлению почасовой производственной программы заводов, определению прибыли и рентабельности. Когда будут отработаны программы решения всех задач, электронно-вычислительная техника возьмется за управление всем комплексом производства. Она будет осуществлять текущее и перспективное планирование, контроль за сбытом продукции, ее своевременной доставкой в магазины и реализацией.

— Каким может быть экономический эффект, который даст эта автоматизированная система управления! Он поддается подсчету!

— Более миллиона рублей чистой прибыли. Причем затраты на создание системы окупятся за три года. Я прошу обратить внимание на эту цифру — миллион рублей. Это ведь цифра, которую мы теряем только в одном объединении. Теряем из-за того, что плохо управляем производством, сбытом и транспортировкой продукции. А ведь, как показывают расчеты, можем не терять, а приобретать.

— Прибыль получат только заводы и торговая сеть. А покупатели! Что выиграют они!

— Спрос их будет удовлетворяться полностью. Это ли не выигрыш? Ведь сейчас магазины, не зная спроса, часто занижают свои заказы молочным заводам. Электронная техника машинально передавать такие заказы предприятиям не будет. Ее не обманешь. Ведь в память машины заложены сведения о спросе покупателей. Поэтому она предварительно уточнит его с реально складывающейся конъюнктурой в торговой сети, а потом уже сообщит заказ на завод. И в магазины, хотят того или не хотят их работники, будет поступать столько продуктов, сколько нужно для удовлетворения спроса. А ведь каждая дополнительно проданная тонна молока — 29 рублей прибыли. Выгодно заводу, выгодно покупателю.

— Николай Прокофьевич! Из того, что вы рассказали, становится ясно, что на самых различных предприятиях народного хозяйства создаются вычислительные центры. Отечественная промышленность, как известно, выпускает десятки типов «умных» машин. Означает ли это, что мы стоим на пороге создания новой отрасли индустрии — кибернетической!

— Вы не ошиблись. Именно в наши дни рождается кибернетическая индустрия. И основные силы института сосредоточены в этом направлении. Разумеется, рождение кибернетической индустрии — дело не одного дня. Вместе со специалистами других институтов и ведомств мы ведем широкий эксперимент, связанный с разработкой и внедрением автоматизированных систем, призванных управлять не только деятельностью одного предприятия, но и отраслями промышленности, народным хозяйством страны. На заводе «Красный пролетарий», в объединении «Молоко» и на других предприятиях мы отрабатываем общую, типовую методику построения автоматизированных систем. Наша цель — оптимальное планирование и управление народным хозяйством в целом и в его отдельных звеньях — отраслях.

— Как все-таки вы представляете себе кибернетическую индустрию!

— Она мыслится учеными как единая государственная система вычислительных центров, ведущих сбор, обработку и анализ всей экономической информации, решающих задачи планирования и управления народным хозяйством. Эту систему можно сравнить с единой энергетической системой в стране. Только вместо электричества течет поток информации о выпуске машин, станков, товаров народного потребления, их качестве, ассортименте, даже о расцветках тканей, фасонов одежды. Поток идет от одного пункта к другому — от заводов, фабрик, строек в опорные пункты системы — вычислительные центры министерств и ведомств. Из опорных ВЦ поток информации направится в главный вычислительный центр страны. Он создан и действует вот уже несколько лет.

Связь между центрами предприятий, опорными центрами, главным ВЦ будет двусторонняя. Это обеспечит оперативное планирование и управление как отдельными отраслями, так и народным хозяйством в целом.

— Человек и машина. Как сложатся их отношения!

— Они будут безупречными. Человек будет задавать тон работе машин, управлять их «разумом». Здесь простор развитию таланта, научного творчества руководителя, экономиста. Но техника не позволит человеку ошибаться. Она тут же «одернет его за руку» и подскажет правильный путь к цели. На этой основе и построятся отношения людей и автоматов. Если системе будут навязывать не обоснованные наукой и практикой решения, она перестанет действовать. Ведь весь смысл кибернетической индустрии как раз в том и состоит, чтобы управление народным хозяйством перевести на оптимальный режим. И произойдет это тогда, когда кибернетическая индустрия наберет полную мощность.

— Как укрепляются ее тылы!

— Новая индустрия требует тысячи опытнейших специалистов, людей с широким кругозором, большими знаниями математики, экономической науки, социологии, философии. Но сегодня у нас минимум специалистов, знающих толк в электронно-вычислительной технике, и максимум потребности в них. Испытываем острый голод даже на программистов. Пора бы решить вопрос о создании многопрофильного экономического вуза. Только в таком высшем учебном заведении можно получить благоприятные условия для серьезного и всестороннего обучения студентов «секретам» кибернетики и вычислительной техники.

Это предложение уже не раз высказывалось в печати, его ни в коем случае нельзя рассматривать как гигантоманию, как некие реформаторские замашки. Вовсе нет. Обратимся к фактам. В стране стала развиваться торговля — появился торговый институт. Заявила о себе пищевая промышленность — был образован технологический институт пищевой промышленности. Химики имеют свои кузницы кадров, машиностроители, станкостроители и просто строители не обижены! И так далее... Настал черед и кибернетической индустрии. Об укреплении ее тыла нужно думать сейчас.

Построение научной системы управления народным хозяйством — задача государственной важности. Решать ее экономической науке. Однако без математики, электронно-вычислительной техники ей не справиться с этой грандиозной по масштабам и сложнейшей по своей сути проблемой. Нужен союз с ними, так сказать, союз под знаком интеграла.

Беседу вел Б. Винокур.

„Он убил меня под Луанг-Прабангом"

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ГЛАЗУНОВА.

21.49

Комиссар охраны Ситонг открыл дверцу «газика», мучительно прислушиваясь. Машина натужно ползла в гору. Подъем был очень крутым.

— Выключи подфарники,— сказал Ситонг шоферу.

— Тут воронки. Можем загреметь в пропасть.

— Выключи подфарники,— повторил Ситонг.

— Что? — спросил Степанов.— Летает?

— Вроде бы,— ответил Ситонг.— Стоп.

Шофер выключил мотор. Машина медленно покатилась назад.

— Поставь на тормоз,— сказал Ситонг.

— Она на тормозе.

— Почему катится?

— А он не держит на таком крутом спуске.

— Вруби скорость,— посоветовал Степанов.

— Это не разрешается по инструкции,— ответил шофер.

— Инструкция простит,— сказал Ситонг,— сейчас свалимся.

Шофер поставил машину на скорость, и Ситонг выскочил из «газика».

— Никого нет,— сказал Степанов, прислушавшись.

Ситонг, досадливо махнув рукой, стоял замерев. Он прислушивался к небу, вытянув шею, словно так дальше слышал.

— Ты ошибся, Си,— сказал Степанов,— тебе просто показалось.

И в это время он услышал самолет.

— Ситонг не ошибается,— сказал комиссар охраны,— Ситонгу нельзя ошибаться, иначе тебя быстренько убьют. Лезем в скалы.

Они взяли рюкзак с едой, автомат, фляги и полезли в скалы.

— Кто летит? — спросил шофер.— Эй ди сикс? [1].

— Он. Кому же еще летать ночью? С этого тихохода можно бомбить даже ящерицу, не то что машину.

Шофер остановился и сказал:

— Я оставил в машине свою новую куртку на «молнии»...

— Ничего, померзнешь,— ответил Ситонг.— Пошли быстрей, он уже рядом.

21.57.

— Ну-ка, Билл, погляди ты: вроде бы они остановились?

— Да, командир.

— Радар не барахлит?

— Нет. Просто, видимо, они услыхали нас. Поэтому и остановились.

— Ты думаешь?

— Я думаю.

— Это хорошо, что ты думаешь,— улыбнулся Эд Стюарт,— на этой земле вообще разучились думать. Чем больше люди научились делать, тем они меньше стали думать. Между прочим, напрасно ты не записываешь мои афоризмы: их можно выгодно продать. Например, во Франции. Зайдешь в «Юманите» и предложишь афоризмы «воздушного пирата». Отвернем, Билл. Все же они нас услыхали. Пусть успокоятся и поедут дальше, а мы сделаем круг. Нет?

— Да, командир.

— Ты был в Париже?

— Нет.

— Плохо. Каждый человек обязан побывать в Париже. Ты читал «Праздник, который всегда с тобой»?

— Нет. Чье это?

— Хемингуэя.

— Это который пустил себе пулю в рот?

— Да.

— Нет. Я читал про то, как один тип развлекался с молоденькой итальянской потаскушкой.

— «За рекой в тени деревьев»?

— Я не помню названия. Я всегда забываю названия,— улыбнулся второй пилот.— Про что — помню, а вот название и фамилию автора статьи всегда забываю.

Эд засмеялся.

— Значит, говоришь, он развлекался с молоденькой итальянской потаскухой?

— Ну да. Они там еще все время пили. Алкоголики какие-то. Вообще все итальянцы алкоголики.

— Это ты сам? Чуть убавь обороты. Вот так. Хорошо. Это ты сам? — повторил он.

— Что?

— Сам придумал про итальянцев?

— Нет. Там воевал отец, он мне рассказывал.

— Тебе двадцать?

— Почему? Мне двадцать два.

«Неужели я в двадцать два был таким же болваном?— подумал Эд.— В молодости мы все кажемся себе гениями и только к старости понимаем, какие же мы, в сущности, кретины».

— Ты молодец, старина,— сказал Эд.— Ну-ка, давай зайдем на них еще раз.

22.07

— Все,— сказал Ситонг,— отцепился.

— Я так боялся за свою новую теплую куртку на «молнии»,— сказал шофер,— она греет, словно весеннее солнце.

— Тебе положено бояться за машину,— ответил Ситонг,— а не за куртку на «молнии».

— Ты всегда такой грозный, Ситонг? — спросил Степанов.— Что это с тобой случилось?

— Я всегда становлюсь таким, когда кончается поездка. Когда к нам приезжал профессор-француз из трибунала Рассела, я в конце поездки ругал его самыми страшными лаосскими ругательствами.

— Зачем?

— Просто так. Чтобы самому успокоиться. Если убьют в поездке, тут уж ничего не поделаешь: война есть война. А когда до границы осталось двести километров — погибать совсем обидно.

— С той стороны границы бомбят так же.

Ситонг вдруг усмехнулся.

— Там за тебя будет отвечать вьетнамский комиссар охраны, а здесь отвечаю я. Хочешь выпить?

— Хочу.

Ситонг протянул Степанову флягу с самогоном.

— Держи.

— Спасибо.

Степанов сделал два больших глотка и сказал:

— У вас от самогона за версту несет рисом.

— Рис не помёт, можно и понюхать. Зато крепкий самогон. Пей еще.

— Не хочу.

Ситонг сделал несколько глотков, прополоскал рот и сказал:

— Десны очень греет. Приятно. Ладно, пошли в машину.

Мотор никак не заводился, исступленно выл стартер.

— Посадишь аккумулятор,— сказал Степанов.

— Не посажу,— уверенно ответил шофер, и по этой его уверенности Степанов понял, что аккумулятор он наверняка посадит.

Это было в Крыму, в Старом Свете. Степанов тогда купил старенький «Москвич», и они с Надей поехали к морю. Был конец апреля, но он все же уговорил ее поехать.

— В мае уже купаются,— сказал он.

— В конце мая, ты же не усидишь там месяц...

Но ему очень хотелось поехать к морю на «Москвиче», и он уговорил ее, и они поехали.

Зачем женщина вначале так легко соглашается с взбалмошным неразумением любимого? Зачем так скоро любовь трансформируется в чувство собственника? Зачем мы, исповедуя философию движения, относимся к любви, словно догматики? Зачем мы не говорим себе сразу, что любовь обязательно переходит в дружбу и в привязанность, а это ведь уже не любовь? Проблема человеческой совместимости — это и есть проблема счастья в любви. Перед тем как зимовщиков отправлять на год в Арктику, их испытывают невропатологи. Неужели влюбленным надо проходить испытание на будущую совместимость? Может быть, кто знает.

— Смотри, море,— сказал тогда Степанов.

Оно появилось в разрыве облаков ранним утром. Старый Свет еще спал, только отчаянно голосили петухи. И еще очень горько пахло жжеными листьями. Этот запах казался Степанову горьким, потому что в первый раз он уезжал от Нади, когда на даче жгли листья и голубой дым уходил в синее сентябрьское небо. Надя долго стояла возле калитки, глядя ему вслед, и он то и дело оборачивался, и в нем все пело, и идти ему тогда было невозможно легко, как после хороших трех раундов. Только после хороших трех раундов с товарищем, после горячего душа и жесткого полотенца в нем появлялось раньше такое ощущение.

Счастливая горечь первой недолгой разлуки с ней потом прошла, разлуки стали их бытом, а вот горький запах жженых листьев остался в нем, как символ недолгого счастья, и тишины, и любви.

— Очень скользкая дорога,— сказала Надя.— Будь осторожен.

— Да ладно,— сказал он,— ты смотри, какое море!

Он резко перевел рычаг переключения скоростей, и рычаг остался у него в руке — хороший, видно, металл поставили на заводе, черт их дери! Машина заскользила вниз по горной дороге. Она была сейчас неуправляемой и скользила быстро.

— Правь, Димочка, правь! — прошептала Надя и стала бледной и пальцы поднесла к щекам. Она всегда подносила свои длинные пальцы к щекам, когда пугалась, или когда он обижал ее, или если она смущалась чего-то. Руки ее не потянулись к дверце, нет. Она сидела возле, повторяя все время, как заклинание:

— Правь, Димочка, правь...

А он не знал, что делать, потому что машину тащило вниз, а метрах в двадцати начинался крутой обрыв. Тогда Степанов зажал в ладони острый огрызок рычага передачи, перевел его на первую скорость, и машина, дрогнув, остановилась.

— Правь, Димочка, правь,— продолжала повторять Надя.

— Чем мне править?! — закричал он тогда.— Что ты болтаешь?!

А она ведь ни разу не потянулась рукой к ручке дверцы...

Все вокруг нас хрупко и непрочно. Зачем мы забываем и об этом? Стекло хрупко? Чушь. Что есть на свете более ломкое, чем человеческие чувствования?

Мы начинаем предавать себя в дни счастья, не замечая этого. Во всяком горе жди радости. Значит, и в счастье должно ждать горя?

— Надо покрутить ручкой,— сказал шофер и засмеялся.

«Веселый парень,— подумал Степанов,— с таким не соскучишься. Тхань был настоящим водителем, а этот еще совсем мальчик».

— Давай ручку,— сказал Ситонг, вылезая из машины.

Шофер долго копался у себя под сиденьем, а потом сказал:

— Нет ручки.

— Чем же я тебе буду крутить? — рассердился Ситонг.— Пальцем, что ли?

Шофер рассмеялся, и Степанов тоже.

— Ничего,— сказал Степанов.— Мы развернем машину на месте и пустим ее вниз. Она пойдет под гору и заведется со скорости.

Они взмокли, разворачивая машину. Им приходилось удерживать ее над пропастью, но они все-таки ее развернули.

— Садитесь,— сказал шофер,— сейчас заведется. А внизу есть площадка, там можно развернуться. Там большая площадка...

Но они не сели в машину, потому что снова услыхали самолет.

22.13

— Ты заметил, что обостренное чувство совестливой стыдливости у женщины унижает мужчину? — спросил Эд.

Билл смущенно хмыкнул.

— Ты что, девственник?

— Нет, командир. Только меня развратные женщины без стыда совершенно не волнуют. Мне самому стыдно за них. Я люблю нежность.

— Это потому, что вы теперь все слишком рано начинаете.

— Нет, командир. Про это больше болтают.

— Посмотрите-ка, а они все еще стоят. Они не могли нас слышать, мы подлетели из-за хребта.

— Обезьяны,— сказал Билл,— чарли проклятые.

— Они люди, а не обезьяны. Зачем ты так? Надо уважать врагов. Если мы воюем против обезьян уже пять лет и по-прежнему сидим по горло в дерьме, то кто же тогда мы сами-то?

— На них надо бросить пять водородных штучек, и все кончится.

---

[1] АД-6 (эй ди сикс) — самолет ВВС США.

— Кто их будет кидать? Ты?
— Ну и что? Я кину.
«А ведь этот действительно кинет,— подумал Эд.— С ума потом не сойдет».
— А дети?
— Какие дети?
— Их дети. Маленькие дети. Они ведь тоже сгорят...
— Что дети? «На войне как на войне».
— К тому же ты знаешь французский?
— Я беру уроки.
Эд почувствовал затылком, как ослабился его второй пилот. Достав расческу, Эд уложил растрепавшиеся волосы. В расческе тихо потрескивали молнии.
— Ты любишь мадам Тань?
— О чем вы, командир? — скрывая улыбку, ответил Билл.— Я не понимаю, о чем вы говорите...
— Ну-ка, внимательно посмотри: они на том же месте или сдвинулись?
— Чуть сдвинулись.
— К Лаосу.
— Странно, вначале они ехали во Вьетнам. Хватит горючего еще на один круг?
— Хватит. Не возвращаться же с бомбами...
— Можно отбомбиться здесь.
— По пустой машине?
— Ну и что? Все равно — урон для техники.
— Им русские пригонят взамен этой еще десять штук.
— Почему русские?
— Просто я так думаю.
— Опять ты думаешь, черт возьми! Хватит тебе думать — я завидую тем, кто не думает...
— Мадам Тань купила вашу книжку.
— Ну?! Она умеет читать? Это прекрасно, когда туземная красавица умеет не только любить, но к тому же читает книжки.
— Она метиска. Ее отец был французом. А мать — камбоджийка.
— О, это прекрасно, когда отец француз...
— Она говорит, что вы пошли в авиацию из-за неудачной любви.
— Скажи на милость, она и про неудачную любовь знает?
— Зачем вы так? Она очень хорошая...
— Сколько ей?
— Тридцать.
— Молодец. Всегда надо учиться на женщинах, которые старше. Я начал с одногодок и только сейчас понял, какую сотворил глупость. Женщина, которая старше, понимает, что измена — это глупость и мелочь... Переспал с кем-то — ну и переспал... Вообще-то мужчины совестливее женщин. Разница в возрасте, Билл,— единственная гарантия прочной любви. Запиши это, старина, запиши. Это купят даже в «Крисчен сайенс монитор» для раздела «Мысли бывалого идиота».

22.24

— Вот сволочь,— сказал Ситонг,— что это он к нам прицепился? Может, диверсанты передали им по рации, что я везу европейца? Они решили, что ты какой-нибудь важный начальник, а не писатель, вот и охотятся. За простым Патет Лао они бы так не охотились.
— Зачем им я нужен? — усмехнулся Степанов.— Лишние дипломатические осложнения.
— Никаких осложнений. Бомбой разнесет в клочья, а они скажут, что это мы тебя...— И он присвистнул, изображая, что «они» сделали со Степановым.
— Да?
— Конечно.
И они оба рассмеялись.
— Ты отчего не женишься, Ситонг?
— Нельзя.
— Почему?
— Война идет.
— Тебе не страшно воевать — у тебя нет детей.
— Наоборот,— возразил Ситонг.— Когда есть дети, погибнуть не так страшно: после тебя останется на земле твое семя...
— А если ты останешься жив, а они погибнут? Тогда как?
Шофер осторожно кашлянул и быстро взглянул на Ситонга. Тот ничего не ответил, но Степанов заметил, как у него замерло лицо и вспухли желваки. Он достал флягу и молча протянул ее Степанову.
— Не хочу. Спасибо.
Ситонг отвернул крышку и сделал несколько глотков.

22.30

— Вот теперь они едут,— сказал Билл,— только теперь они снова повернули во Вьетнам. Что это они — то сюда, то туда?
— Посмотри по карте — здесь начинается горный коридор, нет?
— Да. Точно. Я думаю, надо ехать домой, командир. Горючего не хватит, думается мне.
— Опять ты думаешь... Что это за манера такая,— проворчал Эд, прикидывая остаток горючего.— Ты не охотник?
— Что?
— Я спрашиваю: ты не охотник, случаем?
— Нет. Отец мне запрещал охотиться. Он говорит, что это негуманно. Чем лесные птицы виноваты, когда их бьют из ружей? Надо охранять живность — ее и так мало осталось на земле. У нас дома всегда жили утята... Вся наша семья любит уточек...

22.34

— Гони! — закричал Ситонг.— Гони, скорей!
На этот раз он услышал самолет, когда уже было поздно выбегать: американец хитро подкрался из-за хребта и теперь догонял машину сзади.
— Стоп! — крикнул Ситонг.
Машина, взвизгнув тормозами, замерла на месте.
— Вперед!
Шофер дал максимальную скорость, но машина все равно ползла очень медленно, оттого что дорога по-прежнему шла вверх. Ситонг кричал на шофера, парень растерялся и, вместо того чтобы дать подсос, врубил большой свет. Длинный, как крик, луч белого света повис в ночи.
— Идиот! — заорал Ситонг.— Идиот! Гони скорей, за поворотом — скала!
«Какая скала? — подумал Степанов.— При чем здесь скала? Здесь кругом скалы».
— Гони! Гони! — кричал Ситонг.
— Не кричи,— сказал Степанов,— ему так трудно править.
И вдруг в луче света, примерно в двадцати метрах перед собой, они увидели спасение: дорога уходила в скальный тоннель.
Степанов никак не мог выдохнуть воздух, хотя ему хотелось это сделать, а самолет ревел где-то совсем рядом.
— Ты гений, Ситонг,— шепнул Степанов,— только бы успеть, ты гений...

22.35

— Уточек,— повторил Эд,— это хорошо, что вы любите уточек. Большие вы все гуманисты, как я погляжу. А вот меня эта машина возбуждает, как кабан, который прошел номер охотника за пределом выстрела. Видишь, чарли нас услышали и с перепугу включили свет. Наивные чарли, они думают, что мы сверху видим их по свету. Они совсем не думают о наших локаторах. Черт, куда это они делись? Успели-таки,— сказал он, откинувшись на спинку своего кресла,— спрятались под скалу. Молодцы. Здорово ездят эти лаосские парни.
Он прикинул по карте, когда они должны выйти из гор на равнину. Выходило, что примерно через пять часов они должны быть на равнине. Там, решил он, чарли от него никуда не денутся.
— Отбомбимся здесь,— сказал он,— через пять часов мы встретимся с ними на равнине.
— Да, командир,— ответил Билл и нажал кнопку. Самолет тряхнуло: бомбы полетели вниз.

22.38

Когда отгрохнуло эхо и после взрыва бомб стало вокруг непроглядно темно, Ситонг, двигая нижней челюстью (видно, здорово заложило уши), сказал:
— Все. Теперь можно спокойно ехать. Через шесть часов я передам тебя с рук на руки, а там во Вьетнаме русские ракеты, там они не так лихо летают, там они побаиваются. Тебя не задело?
— Нет.
— А уши?
— Ничего.
— Едем,— сказал он шоферу,— или снова надо покрутить?
Шофер рассмеялся — он был веселым парнем — и ответил:
— Я же не выключал мотора!
Когда они двинулись дальше, он по-прежнему веселился, объясняя Ситонгу, что со страху он не успел выключить мотор и, пока американец бомбил, очень боялся, что комиссар услышит, как работает мотор, и даст крепкую выволочку: по инструкции мотор полагается выключать во время бомбежек.
— Интересно бы посмотреть в глаза этому летчику,— сказал Степанов.— Молча посмотреть ему в глаза.
— У него кровавые глаза. Что в них смотреть? В них надо стрелять.
Ситонг говорил неверно. Глаза у Эда были голубые, добрые, очень красивые. И Степанов смотрел в эти глаза дважды: первый раз в Скандинавии во время фестиваля молодежи. И он не просто смотрел в эти глаза. Он был хорошо знаком с обладателем этих глаз.
Они тогда пошли вдвоем на шхуну «Мария» — это был штаб антисоветского центра. По скрипучей лесенке они спустились в прокуренный трюм; там ревел джаз и потные негры метались между столиками с бесплатным пивом. На стеллажах вдоль бортов были разложены брошюрки НТС. От табачного дыма щипало глаза. К столику, за которым сидели Степанов и Стюарт, подошли два парня: кругленький толстячок и белобрысый верзила в белом джемпере и мятых белых джинсах.
— Это мой друг,— сказал белый парень, тронув грудь толстяка мизинцем,— он из Кении.
— Меня зовут Ононкво,— сказал толстый,— я учусь в Киле. До этого я вкусил советского рая в Москве. Откуда вы, друзья?
— Я из Нью-Йорка,— ответил Эд и вопросительно посмотрел на Степанова.
— А я из Москвы.
— Русский? Почему вы здесь? Какой русский? — спросил белый парень.
— Советский.
Парень молча, тяжело разглядывал Степанова. К нему подошли еще несколько человек. Тогда он сказал:
— Лучше уйдите отсюда.
Столик теперь окружили тесным, жарким, тихим кольцом. Эд сидел бледный: с детства он боялся драк. Мать запрещала ему драться, и поэтому за ним утвердилась репутация труса. Позже он и сам поверил в то, что он трус. А потом он стал подшучивать над своей трусостью, чтобы ее скрыть. Люди не поверят, что человек, открыто вышучивающий свою трусость, на самом деле трус. Так, считают все, поступают люди сильной воли, они очень храбрые, с хорошим чувством юмора.
Белесый парень вдруг очень тихо заматерился. Несколько человек взяли его за плечи, но он вырвался и ударил Эда — тот был к нему ближе, потом бросился на Степанова, но тот врезал ему апперкот — с подъема. Парень опустился на колени. Началась свалка. Потом Степанов услышал английскую речь: трое здоровенных верзил с военной выправкой раскидали дерущихся.

— Что это за бардак! — кричал Эд, вытирая кровь с разбитого рта.

— Кто вы? — спросил его один из трех верзил.

Эд назвался.

— А кто с вами?

— Я из Москвы,— ответил Степанов.

В дальнем углу шхуны начал биться Ононкво.

— Пустите меня! — кричал он тем, кто держал его за руки.— Я покажу сейчас этому из Москвы!

Самый высокий из трех американцев медленно обернулся и негромко сказал:

— Шат ап!

Ононкво сразу стих. Два американца ушли куда-то и через минуту возвратились с невысоким седым человеком.

«Где я видел его? — подумал Степанов.— Где-то я его видел, это точно. Ага, он приходил на литературную дискуссию».

— Здравствуйте, товарищ Степанов,— сказал седой,— меня зовут Виктор Михайлович. Бога ради простите этих ребят: они дети горькой эмиграции. Кто это с вами?

— Эд Стюарт, писатель из Штатов.

Виктор Михайлович кивнул Эду и сказал:

— В России перемены... Идти вдвоем с американцем к нам на шхуну... Не боитесь, что дома потревожит КГБ?

— Боюсь,— ответил Степанов.— Видите, как боюсь...

— Он что, из ваших американцев?

— То есть?

— Марксист?

— Почему? Нормальный империалист.

— У вас тут есть что выпить? — спросил Эд.— Кроме пива, конечно?

— Я говорю только по-немецки,— ответил Виктор Михайлович.— Что он спрашивает?

— Он хочет выпить.

— У нас вообще-то безалкогольный студенческий корабль, но вас я угощу из своих запасов.

— Вы тоже студент? Или как?

— Я преподаватель.

— Чему учите? — хмыкнул Степанов.

— Хватит об этом,— ответил Виктор Михайлович.— Я сейчас вам принесу «Посев». Мы защищаем вашу последнюю книгу от советской критики. Герр Шульц! — крикнул он вдруг страшным, немецким, командным голосом.— Герр Шульц! Три виски! Герр Шульц!

Появился здоровенный, толстый немец.

— Кто это? — спросил Эд одного из американцев, которые по-прежнему стояли чуть в стороне, словно родители, наблюдавшие за тем, как играют детишки.

— Это их Гиммлер,— засмеялся самый высокий американец,— какой-то обер-фюрер.

— При чем тут Гиммлер? — поморщился Виктор Михайлович.— Этот американец говорит по-русски?

— Ни бельмеса,— ответил Степанов.

— Обычная американская невоспитанность. Молодая нация, нет культуры, ничего не поделаешь. Герр Шульц — старый демократ.

Потом Степанов и Эд долго ходили по набережной. Белые ночи были на изломе. В серых, зыбких ночных сумерках лица людей были трагичны и нереальны.

— Политика может простить ту или иную ошибку, но она не простит глупости,— говорил Степанов задумчиво.— Живут у вас Керенский, Струве, тысячи других наших эмигрантов — и пусть себе живут. Но когда вы поддерживаете НТС...

— Почему вы думаете, что мы их поддерживаем?

— Откуда на шхуне появились три ваших паренька в штатском?

— Вы думаете, они наши?

— Уж не наши, во всяком случае.

Эд рассмеялся.

— Только не думайте,— сказал он,— что если я ругаю моего президента, то, значит, я выступаю за вас. Ругать тех, кто неверно правит твоей родиной, совсем не значит желать ей зла. Часто наоборот.

— Вы ругали своего президента?

— Буду. Когда вернусь.

— В какой газете? Я посмотрю.

Эд назвал газету, от которой он приехал.

— Между прочим, который час? — спросил он.— В потасовке я потерял часы.

— Что ж после потасовки не поискали?

— Я щупал ногой под столом. Там не было.

— Можно было и руками пощупать. А времени сейчас половина третьего.

— Ого! — присвистнул Эд.— Жена в гостинице лезет на стену.

— Всякий порядочный мужчина должен немного бояться жены,— сказал Степанов,— жену не боится только прощелыга или гений.

— Не всякий гений,— добавил Эд.— А только тот, который вступил в брак уже состоявшимся гением.

— Это вы к тому, что нет пророка в своем отечестве?

Эд поднял палец, остановился и записал что-то в книжечку: каждый человек строит себе баррикаду из тех мудростей, которые утверждают его в своих же глазах.

Продолжение следует.

Перед тобой, читатель, обвинительные документы. Они навечно приковали к позорному столбу тех, кто совершил эти злодеяния.

Дети, плачущие в развалинах родного дома.

Дети на руках у раненых, обессиленных матерей.

Так было в июне 1967 года. Так продолжается до сегодняшнего дня.

Зловещая кровавая тень палачей из Тель-Авива легла на исконные земли свободолюбивых арабских народов.

Кто измерит глубину страданий этих людей!

Кто сосчитает, сколько человеческих жизней унесли за минувшие годы непрерывные военные провокации сионистских заправил и налеты на арабские земли!

Этого малыша из деревушки Бахр эль-Бакр вытащили из-под руин школы...

Всмотритесь в эти снимки!

ПОЗОР ИЗРАИЛЬСКИМ ДЕТОУБИЙЦАМ!

В. В. КОВАНОВ,
вице-президент Академии медицинских наук СССР,
член Президиума Советского комитета защиты мира

Снимки Телефото АДН — ТАСС и агентства ЮПИ.

Только те, кто потерял человеческий облик, могли совершить подобное злодеяние. Боль и возмущение — вот что почувствовали мы, советские люди, узнав о новом преступлении израильских экстремистов в деревне Бахр эль-Бакр.

Налет распоясавшихся сионистов, открыто поощряемых империалистами США, был совершен в тот момент, когда дети сидели за партами и, внимательно слушая учителя, записывали в тетради свои нехитрые задания.

Мир содрогнулся от этого акта варварства.

Мне, человеку, которому довелось в годы Великой Отечественной войны быть военно-полевым хирургом, живо припомнились ушедшие в прошлое тяжелые картины. Сутками не отходили мы тогда от операционного стола, спасая жизнь тысячам советских людей, которые в едином порыве поднялись на защиту своей свободы, своего счастья. Тогда перед нами стояла одна задача — выстоять в смертельной схватке с фашистским зверем, который пытался потопить в крови первое в мире социалистическое государство. Чтобы достигнуть своих преступных целей, фашисты не считались ни с какими средствами. Как скот, угоняли они в плен мирное население, душили в газовых камерах миллионы людей, бросали в фашистские застенки сотни тысяч патриотов. Человеконенавистническая, сумасбродная идея власти над миром привела фашистских прихвостней фюрера и его самого к могиле.

История сурово покарала знаменосцев расистских идей. Другим бы, кого так же, как когда-то бесноватого фюрера, одолевают идеи мирового господства, взять бы да извлечь полезный урок из этого горького «опыта». Но нет, неймется израильским экстремистам!

Сионистско-фашистская политика буржуазного правительства, возглавляемая Меир, Даяном и прочими, за спиной которых стоит международное сионистское движение и которая направлена на уничтожение арабского народа, обречена на провал. «Мы живем на этой земле более семи тысяч лет,— заявил в интервью политическому обозревателю газеты «Нью-Йорк таймс» президент ОАР Гамаль Абдель Насер.— Наша цивилизация — египетская цивилизация — пережила многих захватчиков... Стойкость нашей страны, нашего народа велика. С какими бы трудностями египтяне ни сталкивались, они не сдаются и не падают духом».

Все честные люди земли полны решимости поддержать справедливое дело арабских народов. Зарвавшийся агрессор должен быть немедленно остановлен! Он должен выполнить известную резолюцию Совета Безопасности ООН и убраться вон с арабской земли. Советские люди решительно заявляют: «Мы на стороне народа Объединенной Арабской Республики, мы с теми, кто борется за свою независимость».

ВЗОРВАННЫЙ МОСТ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

...Когда от их бомб погибли десятки рабочих в Абу-Заабале, они «покаялись»: «Ошибка, неточное бомбометание — целились в военные объекты. Промахнулись...» Ложь была быстро разоблачена. Но «стыд не дым, глаза не выест». Когда смертоносный груз обрушился на школьников — мальчиков и девочек в Бахр эль-Бакр, Моше Даян нагло заявил: «Ну нет, на этот раз попадание было точным. Дети? Они находились на военном объекте». Он действовал по принципу: «Лги побольше, что-нибудь останется». Но и эта ложь прожила не дольше первой. Журналисты, побывавшие в Бахр эль-Бакр убедились, что ближайший военный объект находится на ближе 14 миль.

Агрессия, ложь, лицемерие — таков облик израильской политики. Она все более и более напоминает практику нацизма. «Ястребы» из Тель-Авива так же, как в свое время гитлеровцы, не останавливаются перед преступлениями против мирных жителей, женщин и детей. Сионистские агрессоры показали, что глумление над элементарными нормами гуманности и международного права является их политическим курсом. Провозглашенная ими доктрина «великого Израиля» мало чем отличается от гитлеровской доктрины «жизненного пространства» и «тысячелетнего рейха». Так же, как нацисты, израильские агрессоры осуществляют в широких масштабах практику «выжженной земли», массовые депортации мирного населения, применяют пытки. И так же, как их предшественники в коричневой форме, они исповедуют расизм, шовинизм и оголтелый антикоммунизм...

Бомбы падают с самолетов, на которых зловеще выведено: «Фантом» — «Призрак». На них написано и другое: «Сделано в Соединенных Штатах».

...Помощник государственного секретаря США Джозеф Сиско, совершавший поездку по странам Ближнего Востока, намеревался направиться из Израиля в Иорданию по мосту Алленби, перекинутому через Иордан.

Я помню этот мост в июньские дни 1967 года. Взорванный, он провалился в Иордан. Напротив — арабский город Иерихон, занятый израильскими солдатами. Там слышатся стрельба, крики. Через реку, цепляясь за остатки моста, пробираются беженцы. Это старики, женщины, дети, они несут с собой жалкий скарб, домашнюю утварь. Их лица запылены, на них крайняя усталость. Притихшие дети прижались к матерям. Старикам помогают, кто помоложе. 300 тысяч арабских беженцев прошли здесь после 6-дневной войны.

Мост разбомбили все те же американские «Фантомы». Кажется, сейчас его восстановили. Что же касается «политических мостов» между Вашингтоном и арабскими столицами, то они «взорваны» историческим фактом поддержки и поощрения Соединенными Штатами израильских агрессоров.

Помощнику государственного секретаря было поручено попытаться вновь навести дипломатические понтоны к арабскому берегу.

...Джозефу Сиско пришлось отказаться от прогулки по мосту Алленби: по Иордании прокатилась волна митингов протеста. Была объявлена всеобщая забастовка. Разгневанные манифестанты ворвались в здание посольства США в Аммане, разорвали американский флаг, побили стекла.

Впрочем, небольших результатов Джозеф Сиско достиг и в тех арабских столицах, где побывал,— в Каире и Бейруте. Как пишет корреспондент агентства «Юнайтед пресс Интернешнл» из Каира: «Египет и Соединенные Штаты не смогли достичь соглашения по важным вопросам во время продолжавшихся четыре дня переговоров». Французская газета «Орор» считает, что «визит Сиско не может дать никаких даже самых слабых положительных результатов».

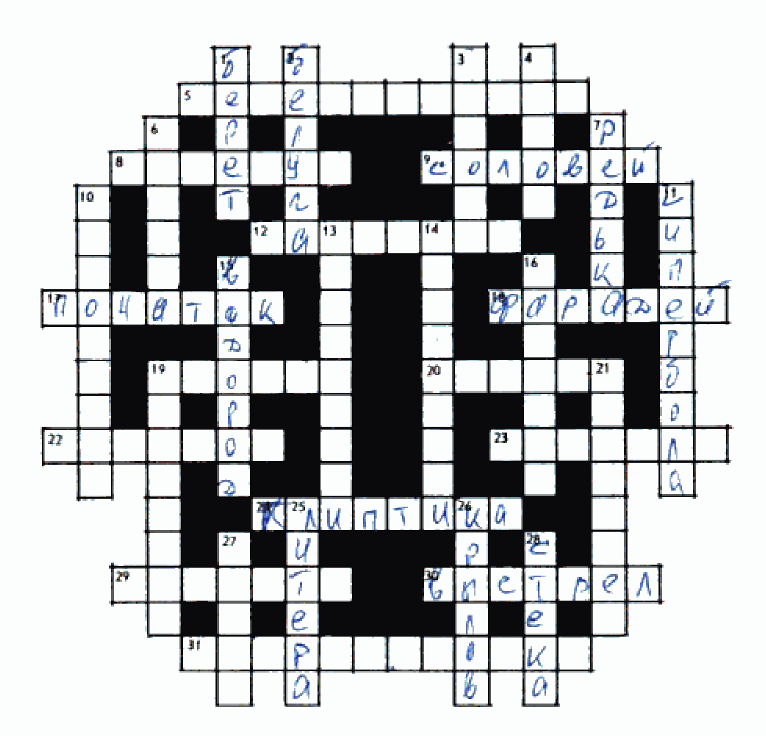
«Какие бы толкования ни давались американской политике,— пишет известный египетский журналист, редактор газеты «Аль-Ахрам» Хейкал,— суть ее остается неизменной. Если мы хотим знать наверняка устремления США, то нам следует исходить из их действий, а не из их уверений». Хейкал подчеркивает, что, говоря о мире, Соединенные Штаты на практике являются вдохновителями израильской агрессии, в их цели входит усиление напряженности на Ближнем Востоке.

За последние недели Вашингтон проявляет особый интерес к Ливану, стране, занимающей важное стратегическое положение на Ближнем Востоке. Сюда зачастили за последнее время не только американские политические эмиссары, но и целые специализированные группы американских военачальников, представителей ЦРУ и других подобных организаций. Несмотря на провокации, организованные реакционными кругами в Ливане, ливанскому правительству и палестинским освободительным организациям удалось добиться соглашения и урегулировать свои отношения.

Американской агентуре не удалось свергнуть прогрессивные режимы путем организации контрреволюционных заговоров в Судане и Ираке. Благодаря своевременно принятым мерам и поддержке народов эти заговоры были разоблачены.

Прогрессивные режимы в странах Арабского Востока укрепили также свои международные позиции. Вырос их удельный вес на международной арене. Справедливая борьба арабских народов опирается на незыблемую помощь Советского Союза и других социалистических стран.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Курорт в Калининградской области. 8. Действующий вулкан на полуострове Камчатка. 9. Романс А. А. Алябьева. 12. Прибор для проверки горизонтальности плоскостей. 17. Соцветие кукурузы. 18. Английский физик, создатель учения об электромагнитном поле. 19. Народный поэт Белоруссии. 20. Река в Южной Америке. 22. Французский композитор XIX века. 23. Финский и карельский щипковый инструмент. 24. Искусство резьбы на цветных камнях. 29. Порт в Тунисе. 30. Повесть А. С. Пушкина. 31. Фольклорный жанр.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Головной убор. 2. Рыба семейства осетровых. 3. Сахаристый продукт. 4. Приток Северского Донца. 6. Оперетта И. Кальмана. 7. Овощ. 10. Прибор для нагревания воздуха в системах воздушного отопления. 11. Чрезмерное преувеличение. 13. Итальянский дирижер. 14. Картина И. М. Прянишникова. 15. Газ. 16. Южное дерево. 19. Государство в Европе. 21. Внутреннее пространство здания. 25. Рельефное изображение печатного знака. 26. Русский баснописец. 27. Пушной зверек. 28. Инструмент скульптора.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Смородина. 8. Караван. 9. Суворов. 11. Диктор. 13. Курсив. 15. Титан. 16. Хроника. 18. Шапорин. 19. Бадминтон. 22. Андорра. 23. Моралес. 24. Сорго. 26. Пролог. 27. Декрет. 30. Маринад. 31. Малахит. 32. Анималист.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Руслан. 2. Дракон. 3. Кобальт. 4. Мичурин. 6. Гаронна. 7. Лопухов. 10. Ботанизирка. 12. Короленко. 14. Спидометр. 17. Акаба. 18. Шторм. 20. Водолаз. 21. Наречие. 24. Сахалин. 25. Омшаник. 28. Гитара. 29. Мартос.

На первой странице обложки: Юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

На последней странице обложки: Б. Щербаков. Майское утро.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/IV-70 г. А 00372. Подп. к печ. 22/IV-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 688. Тираж 2 200 000 экз. Заказ № 1037.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Добро пожаловать!

Сергей **КОНЕНКОВ**,
народный художник СССР

Я старый москвич. И, как все москвичи, как все граждане Советского Союза, любящие спорт, я с нетерпением жду решения Международного олимпийского Комитета. Ведь в прошлом году с соблюдением всех протокольных норм, своевременно в адрес Президента Международного олимпийского Комитета Эвери Брэндеджа было послано приглашение Московского городского Совета депутатов трудящихся провести игры 1976 года в нашей столице. О горячей поддержке приглашения Моссовета заявил олимпийский Комитет СССР.

Президиум Верховного Совета СССР заверил Международный олимпийский Комитет в том, что он окажет властям города Москвы, Национальному олимпийскому Комитету и всем спортивным организациям Советского Союза необходимое содействие и поддержку в проведении игр XXI Олимпиады в Москве. В нашей печати достаточно широко было рассказано о возможностях Москвы, о традиционном русском гостеприимстве. Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Я с удовольствием перелистываю страницы прекрасного альбома «Москва-76». С завидной оперативностью, в прекрасном полиграфическом исполнении издательство «Физкультура и спорт» выпустило его в свет, и теперь этот альбом позволит тысячам зарубежных специалистов в области спорта, туристам, собирающимся посетить Москву, познакомиться с древней и вечно молодой нашей столицей.

Альбом обстоятельно отвечает на вопросы олимпийской анкеты. Среди них есть и такой: «Какую программу для изящных искусств вы предлагаете?»

Москва предлагает провести национальные выставки «Спорт в изобразительном искусстве», «Спортивная филателия», «Спортивная фотография», «Спортивные значки» и рекомендует МОК смелее делать свой заказ. Возможности у Москвы неисчерпаемые. Советское искусство не нуждается в дополнительной рекламе — оно в почете всюду. Альбом представляет целую плеяду его выдающихся деятелей.

Итак, на все вопросы анкеты альбом дает зримый ответ.

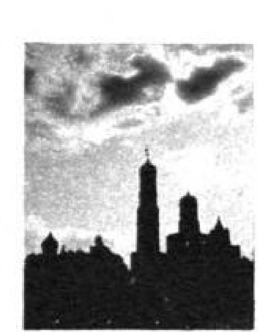
Заходит речь о средствах сообщения со странами мира — пожалуйста, смотрите московские аэропорты, вокзалы, причалы.

Интересуетесь: достаточно ли в Москве отелей? Смотрите — вот наши широко известные гостиницы, а вот проекты новых.

Щедро показана архитектурная история Москвы. Наши прекрасные заповедные улицы Герцена и Чернышевского, Пушкинская и Солянка, Кропоткина и Петровка, наш Московский университет в центре и на Ленинских горах, комплекс Лужников, наша Красная площадь, наш Кремль!

Я коснулся архитектуры, помещенной в альбоме, еще и потому, что такое событие, как Олимпиада, может стать благом для великого города.

Я с большим интересом познакомился с самым важным для такого рода издания разделом «Москва спортивная».

Москва не скрывает своих увлечений. Одно из них — спорт. Поистине так: ему все возрасты покорны. Подсчитано, например, что каждый четвертый житель города регулярно занимается спортом.

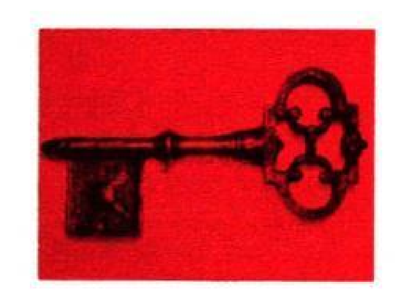
Краткий, увлекательный текст предваряет показ Москвы спортивной, а когда начинаешь рассматривать выразительный фотоматериал о советских спортсменах и спортивных сооружениях нашей столицы, то просто дух захватывает: так ярка, многолюдна, многообразна спортивная жизнь Москвы.

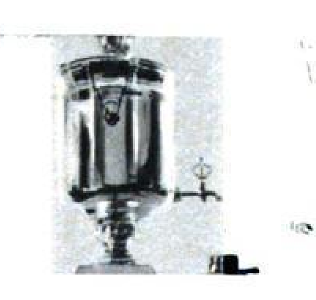
Думается, что альбом «Москва-76» сослужит добрую службу, дав возможность всем за шесть лет до Олимпиады въяве увидеть город, который доброжелательно, сердечно, с русским гостеприимством зовет все флаги в гости к нам.

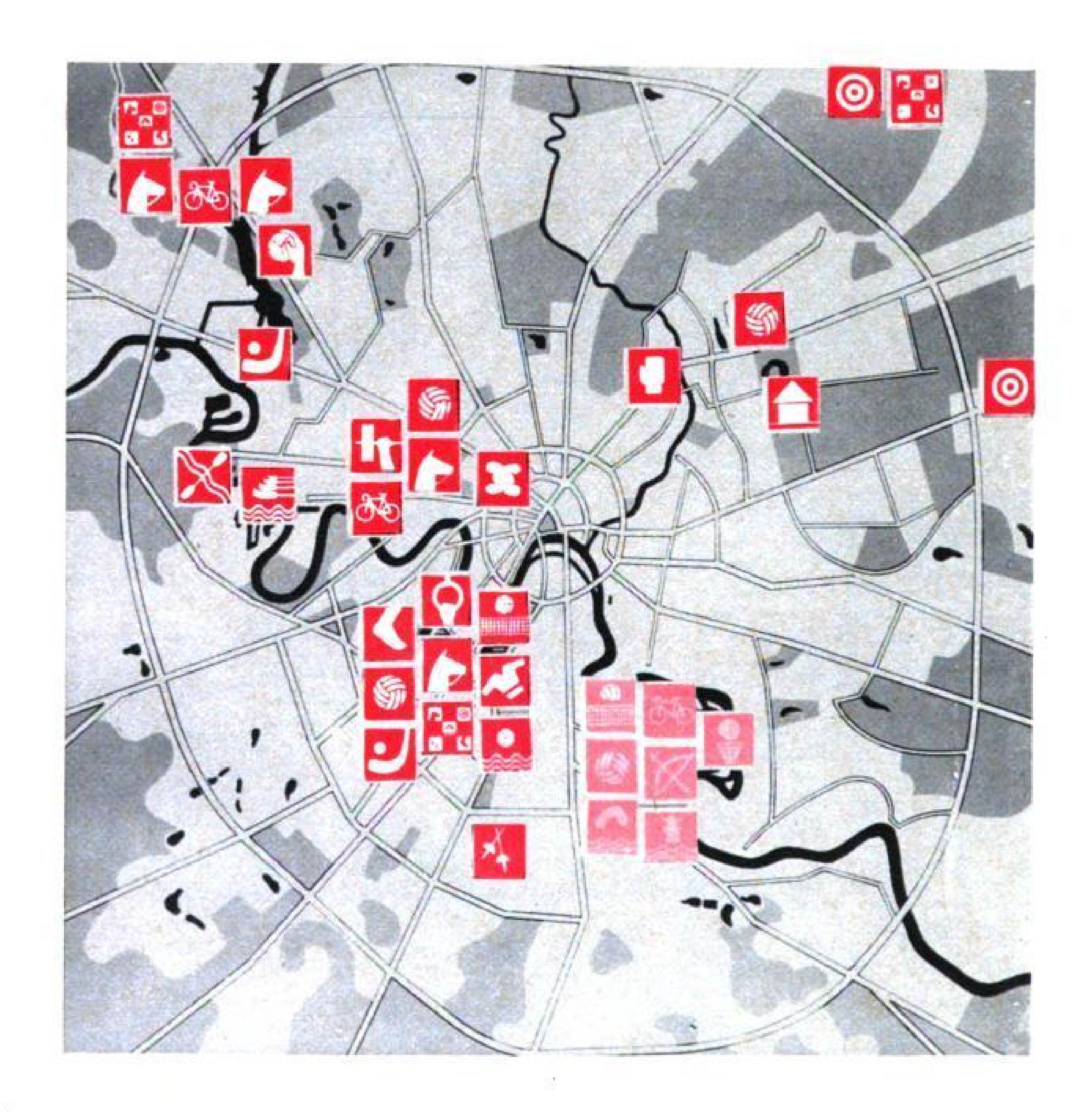
Москва-76. Авторы-составители Б. Базунов, С. Попов. Издательство «Физкультура и спорт». 1970 год.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.